

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА 3

Языковые данные и этнокультурный контекст
Средиземноморья

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Москва

1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СИМПОЗИУМ

АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА 3

Языковые данные и этнокультурный контекст
Средиземноморья

3-5 апреля 1978 г.

Москва
1978

Редакционная коллегия

Л. А. ГИНДИН, И. А. КАЛУЖСКАЯ, В. Э. ОРЕЛ

А.А.Белецкий (Киев)

ДРЕВНЯЯ ОРОНИМИЯ ГРЕЦИИ

Среди древних названий горных вершин, массивов и хребтов Греции мало этимологизирующихся на основе известных диалектов греческого языка. Такое положение вообще характерно для древней топонимии всего юга Балканского полуострова и прилегающих островов. Ввиду невозможности связать большинство древних оронимов с греческими апеллативами неосуществимой оказывается их семантическая классификация, но, опираясь на формальные признаки, можно установить их морфологическую классификацию. Она основывается на выделении предполагаемых радикальных и суффиксальных элементов (также возможных постпонентов) путем сопоставления отдельных названий. Так, например, при сопоставлении названий Πάρνασσός, Πάρνυον, Πάρνης как будто выделяется радикальный элемент *ραγп- (ср. неситское нарицательное рагна- "дом") при сопоставлении названий Κιθαριών, Ἐλικών с нарицательными типа κρηλών, βαρυών, ἑλαίων и этимологизируемыми топонимами Μαραθών, Σικυών - суффиксальный элемент -ών; при сопоставлении названия Κύνθος (гора на о.Делосе) с оронимами Ἀράκυνθος, Βερέκυνθος (горы в Этолии и на Крите) - постпонент -κυνθος; малоазийские топонимы Ἀλικαρνασσός, Κρυασσός по суффиксальному элементу сближаются с оронимами Πάρνασσός (ср. Λαρνασσός); ороним Βριλησσός - потамонимом Ἰλισσός; в оронимах

Аттики Ἄρβητος, Λυκαρῆτος, Ὑμηττός выделяется такой же элемент -ττός и т.д. Среди этимологизируемых оронимов можно установить такие типы, как: 1. Ἄρτελος, Δρέτalon, Κόραξ, 2. Κριοῦ Μέτωπον, Ὀνοῦ Γνάθος, Τὰ Λευκά ὄρη, Παναθηναϊκόν, Παναχαϊκόν, Ἀχαϊκά ὄρη, 3. Αἰγυλαεύς, Ἀραχναῖον, Λυκαῖος, 4. Ἀρτεμίσιον, Ποσειδίον, Νυμφαῖον.

Для древнегреческой оронимии характерно наличие одних и тех же названий в разных местностях, как, например, Ὀλυμπός (между Македонией и Фессалией, в Малой Азии - несколько, в Лаконике, на о.Эвбее, в Элиде, в Аркадии, на о.Крите, на о.Кипре, в Эпире).

Некоторые оронимы имеют форму множественного числа: Ἀροῦντα ὄρη, Καμρούντα ὄρη.

Можно считать 1) что древнейшие названия могли быть безаффиксными, 2) что они были дериватами нарицательных слов, 3) что жители гор и жители долин давали разные названия одним и тем же оронимическим объектам, 4) что в этих названиях сохранились субстратные элементы, 5) что субстратные названия подверглись (частично?) суперстратной ассимиляции.

С.Б.Бернштейн (Москва)

ПАЛЕОБАЛКАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАРПАТО-БАЛКАНСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

1. В результате сложных этно-лингвистических процессов сформировался "балканский языковой союз" - редкий пример интенсивного взаимодействия различных языков, вследствие чего возникли многочисленные фонетические, грамматические и лексические тождества. Границы "балканского языкового союза" выходят за пределы собственно балканской географической области (хотя за пределами этой зоны указанные процессы происходили не так интенсивно и дали менее выразительные результаты). Одной из периферийных зон "балканского языкового союза" является карпатский регион.

2. Как бы ни локализовалась прародина индоевропейцев, Балканы и примыкающие к ним районы (в том числе Карпаты), бесспорно, относятся к той территории, на которой носители индоевропейских языков (гезр. диалектов) жили, начиная с эпохи бронзы. При современном состоянии индоевропейского языкознания мы не можем точно определить степень расхождений этих языков (гезр. диалектов). Это прежде всего относится к языку фракийцев, даков и гетов; все категорические заявления на этот счет (В.Георгиев) следует считать преждевременными. Исследователь должен пока исходить из признания тождества фракийского и дакийского языков. Иначе следует подходить к иллирийской проблеме: вероятно иллирийский язык, вместе с венетским, тяготеет к иному индоевропейскому комплексу.

3. Лингвогеографические исследования языков и диалектов карпатского ареала показали, что на данной территории имеется большое число общих элементов. Эти общие элементы (= "карпатизмы") представлены в разной степени в диалектах от Днестра на востоке до Моравы на западе. Они формировались в разное время, имеют различное происхождение и различную территорию. Среди них находим элементы романского, греческого, славянского, венгерского, турецкого происхождения; наряду с ними обнаруживаются элементы, которые с полной уверенностью не могут быть определены по причине их неясной этимологии. Возникает проблема, близкая той, которая стоит, например, перед специалистами в области румынской этимологии (см. работы Г.Рейхенкрона, И.Руссу, Ч.Погирка и др.)

4. Важнейшей задачей следует считать выявление в составе общих элементов кельтизмов. Число их невелико, но они свидетельствуют о роли носителей кельтских диалектов в формировании карпатских тождеств. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что на данной территории кельтское население играло в некоторые периоды истории заметную роль. Не исключено, что в прошлом кельтских элементов было больше, затем какая-то их часть была вытеснена романскими элементами.

5. Интенсивное греческое, латинское, славянское влияние существенно преобразовали древнюю языковую карту Балкан и Карпат. Восстановить ее в полном виде невозможно. Задача исследователей состоит в том, чтобы с помощью разнообразных источников и различных методов изучить хотя бы ее фрагменты. Это очень важно не только для специалистов по античной балканистике, но и для описания современной языковой ситуации Юго-Восточной Европы.

Ю.Г.Виноградов (Москва)

ПЕРСТЕНЬ ЦАРЯ СКИЛА

Информация, сообщаемая Геродотом (IV, 76-81), казалось бы, исчерпывает все наши сведения о ранне-скифской царской генеалогии, оставляя место спорам лишь по вопросу ее хронологии. Тем не менее, вот уже свыше 40 лет науке известен незаслуженно обойденный вниманием великолепный памятник, проливающий новый свет на старые проблемы. В середине 30-х гг. в 10 км южнее Истрии был случайно найден золотой перстень, на шитке которого вырезано изображение сидящей на троне богини с атрибутами в руках (зеркало, ключ, жезл) и надписью ΣΚΥΛΕΩ. Политико-мифологическая семантика изображения и палеографический анализ легенды, сопоставленные с известным рассказом Геродота (IV, 79-80) и печальном конце злополучного скифского царя-эллинофила, не оставляют сомнения в принадлежности перстня Скилу, бежавшему за Дунай к правителю одрисов Ситалку и погибшему вскоре от руки родного брата Октамасада.

При этом не слишком широко известно, что перстень несет и вторую надпись — на ободке кольца: ΚΕΛΕΩΒΑΡ-ΓΟΥΤΑΝΠΑΡ. Попытки определить ее как транскрипцию греческими буквами фракийского (Apostolidis) или скифского (Carpagache, Грантовский и Бонгард-Левин) текста несостоятельны, так как они а limine не используют другие возможности прочтения. Между тем, вычленение в контексте двух, сразу бросающихся в глаза лексем: ΚΕΛΕΩΒ = κέλεος (vel κελεός) и ΠΑΡ = παρ, делает единственно воз-

можной интерпретацию надписи как греческой с характерными признаками ионийского диалекта (при том милетского его говора): $\epsilon\upsilon > \epsilon\omicron$, $\pi\acute{\alpha}\rho = \pi\alpha\rho\acute{\alpha}$ (возм. также $\epsilon\iota > \epsilon$). Вариант прочтения в сочетании букв ΑΡΓΟΤΑΝ частицы $\acute{\alpha}\nu$ в различных комбинациях отпадает ввиду предполагаемого тогда дополнения и усложнения синтаксиса (protasis/ародосис) грамматически завершенной лаконичной фразы, а потому заставляет понимать этот элемент как личное имя Αργότας. Огласовка флексии $-\alpha\varsigma$ вместо требуемой в ион. диал. $-\eta\varsigma$ наталкивает на мысль о стремлении греческого составителя надписи к возможно более точной передаче негреческого антропонима, что подтверждается как параллелями из иранского ономастического ареала (Ἀρχήστης - Aesch. Pers. 308; Ἀρχόστη - мать Кира - Nic. Dam., fr. 66, FGH II, 90 из Ктесия; Αργόδας - КБН 510; Αργότας (!) - КБН 75), так и оправданной этимологией из осет. argūd = benedictus (Миллер, Абаев; попытка Згусты вывести его из топонима Ἀρχόδα - Ptol. III, 6, 5 методически неудачна).

Окончательное чтение надписи: $\chi\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\omicron\epsilon$ Αργόταν $\pi\acute{\alpha}\rho$ (sc. $\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$) - "Вели быть при Арготе". Вариант impreg. сказуемого предпочтительнее перед 3 л. ед.ч., учитывая формульную структуру аналогичных текстов архаической поры. Текст оказывается метрическим (ямбический каталектический пиметр), что объясняет инверсию $\pi\acute{\alpha}\rho$ и эллипс $\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$. В результате устанавливается семантическое единство контекста надписи и изображения: обращение (либо от лица *objet parlant*, либо - хозяйина) к верховной богине-владычице ("вели"!). Наблюдения над шрифтом, подкрепляемые диалектологическим анализом, приводят к датировке надписи Аргота рубежом $\bar{V}I-\bar{V}$ вв. до н.э., т.е. 30-50-ю годами раньше сигнатуры ΣΚΥΛΕΩ (60-50-е гг. у в.), и делает таким образом необходимой попытку реконструкции судьбы перстня на историческом фоне судьбы его высокопоставленных владельцев.

При выяснении причин перехода перстня к новому хозяину исключается, как маловероятный, вариант заимствования

вещи Скилом у своего подданного либо противника в силу несовместимости подобного факта с *dignitas* царя и возможности перехода на него, в последнем случае, злой вражеской силы. Единственно реальным остается предположение о законном наследовании у царственного предка, что подтверждается инвеститурной семантикой изображения (Ростовцев) на щитке и тем фактом, что этимологически не противоречащее этому имя *Argotas* снова всплывает в скифской просопографии ок. 150 г. до н.э. в боспорском правящем доме (второй муж царицы Камасарии – КБН 75). Значение перстня у иранцев, как символа власти, многократно усиленное инвеститурным сюжетом, подчеркивает легитимность наследования Скилом царства от предка (деда, дяди?).

Согласно традиции, сохраненной Геродотом, в хронологии скифской царской фамилии констатируется лакуна между правлением Иданфирса (упоминается не позже 512 г. – т.е. максимально высокой даты похода Дария) и отца Скила Ариапифа (наиболее резонно: 80-70 гг. V в.). Попытки заполнить лакуну, продлив срок царствования Иданфирса или Ариапифа в ту и другую стороны, либо поместив в нее правление Арианта (Граков), не находят пока поддержки в источниках либо не учитывают характер информационных ресурсов Геродота, в то время как новооткрытый царь Аргот прекрасно умещается в предполагаемый *interregnum* (кон. VI – первые десятилетия V в.). Предлагаемая интерпретация перстня, будучи наложенной на исторический контекст эпохи, подтверждает факт экономических и культурных контактов скифской верхушки (Анахарсис – Ариапиф – Скил) с припонтийским эллинизмом и позволяет (разумеется, в строго гипотетической форме) поставить вопрос о внутренней причинной связи между изменением направления внешней политики Скифского царства на рубеже VI-V вв. (поход до Херсонеса Фракийского ок. 496 г. – Herod. VI, 40, покорение Лесостепи, обезлюдение хоры Ольвии) и династическими переменами, воплотившимися в деятельности вновь выявленного скифского царя Аргота и его преемников.

λα ἐπιτατικόν

(история одной лжеприставки)

1. Признавая аугментатив λα-, лексикографы отмечают скудость материала (ср. ξα- / δα-, где многочисленнее образования и употребления). На деле материал еще и ненадежен. Опорных случаев - всего три: (1) антропоним Λάμαχος в истолковании Гезикия *λάμαχος· ἄμαχος, ἀκαταχύνηστος*, т.е. в духе аппеллатива, нигде более не засвидетельствованного. Сюда же относят слова, зафиксированные в словарях новейшего времени как (2) *λακαταχύων* у Аристофана и Фотия и (3) *λακατάρατος* у Фотия.

2. *λακαταχύων* хотя и засвидетельствовано в Ach. 664 (пародия на Eur. fr. 910) в нескольких рукописях, является var. lectio; наряду с ней традиция дает и вариации *λακ(η)οκαταχύων*, в духе которых как раз и составлена статья *λακκατάρατος* (таково чтение рукописи) в Лексиконе Фотия, где присутствует и *λακκαταχύων*. Исправление этой леммы на *λακατάρατος* под влиянием возобладовавшего в изданиях Аристофана после Брунка чтения *λακαταχύων* тем менее убедительно, что *λακκατάρατος* встречается у Фотия и з.в. *λακκοσκαπέρβαν* вместе с *λακκόπρωκτος*. Таким образом, рукописная традиция Фотия надежна и свидетельствует косвенно о том, что и в тексте "Ахарняя" он читал вариант, восходящий к *λακκο-*, которое ничуть его не озадачивало, входя в целую цепочку слов.

3. Таким образом *λακαταχύων* даже не гапакс, но лишь претендует на это, между тем как засвидетельствованное у Фотия, и только у него *λακκατάρατος* может исправлять только тот, кого не пугает *circulus vitiosus*. 2-е и 3-е свидетельства, как видим, тесно связаны. Но и первое имеет с ними некоторую связь: ведь фигура наиболее известного носителя имени *Λάμαχος* была для многих поколений греков памятна более всего по карикатурному изобра-

жению в "Ахарнях".

4. Понимая ΛΑΜΑΧΟΣ через λίκαν ἄμαχος, Гезихий то ли видит след λίκαν в первом согласном (логогриф), то ли выделяет здесь то самое λα ἐπιτακτικόν, которому посвящена особая статья в его словаре. (Примечательно отсутствие варианта с λα- из Ach. 664, который так подходил бы к этой идее). Между тем внушительные ряды имен, содержащие λαός и δῆμος показывают, что дорийская контракция не повод для того, чтобы следовать за Гезихием в этом толковании. Другое дело, что само оно становится понятнее, если учесть влияние комедиального отношения к этому герою и его многозначительному имени: Ach. 1080, 1206 ср. Рах. 1293 – каскад анноминаций; Ach. 270, 1071 ср. Рах. 304 с ошутимой аппеллятивизацией этого имени – Ламах представлял не Бойцом–в-схватке, а типом Брамарбаса, Пере–воином.

5. В Ach. 664 и после издания Брунка некоторые издатели предпочитали чтение λακκαταπύγων (когда-то Ельмслей, недавно Кантарелла). Ельмслей сопоставлял его с λακκόπρωκτος, т.е. в духе Фотия и в русле инвектив, связанных с εὐρωπρωκτία. Таким образом, λακκαταπύγων помещается между λακκόπρωκτος и λαυκαταπύγων (оба у Аристофана), а усеченный его облик связан, повидимому, прежде всего с гаплогогией (ср. Χαλ(κο)κονδύλης). Так и надо читать Ach. 664. Что же касается λακκατάρατος, то оно либо придумано лексикографами для пояснения λακκαταπύγων, либо восходит к языку комедии (ср. Lys. 137 λαυκαταπύγων, ibid. 588 λαυκατάρατε).

6. Итак, переосмысленное под влиянием "Ахарнян" Λάμαχος стало одним из поводов для фиксации форманта λα- (~ λίκαν) у поздних греческих этимологизаторов. Филологи нового времени, оказавшись перед текстологической трудностью в Ach. 664, избрали худший вариант под влиянием этого представления, а пояснения Фотия пришлось поправить. Так получились три опорные свидетельства о λα ἐπιτακτικόν, привлекаемом для истолкования ряда очень неясных слов.

ГОМ. ΚΗΤΕΙΟΙ

Проблема этнического состава и исторической достоверности союзников троянцев, упоминаемых в В 816-877 и К 428-441, как балканского происхождения, так и позднететтских, разработана достаточно удовлетворительно: большая часть из них, обитавшая на западном побережье Малой Азии, видимо, входила в вассальную хеттам конфедерацию Ассува (≈ греч. Ἀσία), ср. список стран Ассув в Анналах Тудхалияса IY (ок. 1250-1220), где перечислены с юга на север 1-ая Lu/ukka ≈ греч. Λυκία, 8-ая Katakissa ≈ греч. Κάρια, 21-ая Wilušija (= Wiluza) ≈ гом. Ἰλιος/-ον (<φίλιος), 22-ая Taruša ≈ гом. Τροίη (<*Trowiā <*Trowšaxa) (Гарстанг-Гарни, Пейдж, Гиндин и др.).

Однако до сих пор оставался открытым вопрос об участии собственно хеттов в троянской войне на стороне троянцев, наряду с более общим вопросом, имеются ли вообще прямые свидетельства письменной греч. традиции о контактах греков метрополии (не Аххиявы) с хеттами.

Цепь прямых и более косвенных фактов, склоняющих нас к положительному ответу, во всяком случае на вопрос, сформулированный в общей форме, имеет исходный пункт в филологическом и реально-историческом комментарии 3-х стихов из Νέκυια (Λ 519-521): ἀλλ' οἷόν τόν Τηλεφίδην κατενήρατο χαλκῷ, ἦρω' Εὐρύπυλον, πολλοὶ δ' ἄμφ' αὐτὸν ἑταῖροι Κήτειοι κτείνοντο γυναῖων εἶνεκα δῶρων,

букв. "и какого (могучего) героя Эврипила, сына Телефа, умертвил мечь; многие вокруг него дружинники кетейцы были убиты из-за женских даров", как будет видно из последующего, точнее "из-за даров женщине". Это место привело в недоумение еще Страбона, заметившего в XIII, 615-616: "но поэт только до определенной степени помнит следующую историю ..., ставя нам скорее загадку, чем говоря нечто ясное. Ведь мы не знаем, ни что должно понимать под какими-то кетейцами, ни что (под выражением) "из-за женских даров" (ὁ δὲ ποιητὴς ἐπὶ τοσοῦτον μὲνηται μόνον τῆς ἱστορίας ταύτης ... ἀνιχνύματι θεῖς ἢ μὲν

μᾶλλον ἢ λέγων τι σαφές οὔτε γὰρ τοὺς Κητεῖους ἴσμεν
οὐστίνως δέξασθαι δεῦ, οὔτε τὸ γυναιῶν εἶνεκα δῶρων).

1. Развернутая этимологическая интерпретация Κήτεος принадлежит Кречмеру (KIF I, 1, S. 7 f.f.), отождествившему вполне корректным образом вслед за Эд. Майером и др. данный этноним с дохетт. основой, содержащейся в названии страны хеттов KUR^{URU} Hatti и далее с топонимами: Κητεῖς - местность в Киликии, Κίτιον, Κέτιον, Κήτιον - город на Кипре, созвучный библ. названию этого острова - kittim и т.п.

2. Справедливость идентификации гом. Κήτεος с хеттами подтверждается генеалогией предводителя кетейцев Эврипила (в греч. традиции мисийского царя, одного из главных героев Малой Илиады), который в цит. стихах назван сыном миф. героя Τηλεφος, восходящего к хетт. (из хатт.) богу растительности ^DTelepinus, Talipinu, Telipi и пр. (в совр. лит. Барнет и др.). Братом Эврипила был лид. герой Τάρχων (St. B. s. v. Τάρχωνιον и др.), являющийся точным рефлексом хетт.-лув. бога грозы Tarḫu-. Попутно отметим, что повторение созвучных слогов ЭН Κήτε(οι) в комментируемых стихах: (Τηλεφίδην) κατενήρατο... κτείνοντο... - возможно, сознательный поэтический прием анаграммы, подчеркивающий содержательную наполненность данного отрезка текста.

3. Неожиданный ресурс достоверности наших доводов открывается в явно неслучайном совпадении Εὐρύπυλος с именем царицы амазонок Εὐρυπύλη, сражавшейся с ассирийцами в Месопотамии, согласно Арриану у Евстафия (Eustath. *Comm. in Dionys. Perieg.* 774). Как установлено, основным толчком и частично реальной основой мифологических сказаний и представлений об амазонках послужили контакты, главным образом, вероятно, военные, именно с хеттами (Леон-Хард, Гарстанг, Гарни, Кавеньяк и т.д.), и поскольку мифология в до- и раннеисторический период была, обобщенно выражаясь, не только религиозно-философским мировоззрением, но, наряду с эпосом, и единственно возможным

способом описания (фиксации в коллективной памяти) конкретно-исторических событий, то совершенно правомерно построение некоего круга взаимно поддерживающих друг друга отождествлений, замыкающих вывод об идентичности кетейцев с хеттами: Эврипил - царь кетейцев = хеттам = амазонкам ↔ Эврипила - царица амазонок = хеттам = кетейцам. Обе цепочки представляются записью однозначных отношений разными кодами: первая - эпическим, вторая - мифо-литературным. Уместно напомнить, что одна из жен Телефа 'Ιέρρα (по Кречмеру из хетт. Išrağa) сражалась с греками, по Филострату (Her. 18, 160) и др., на колеснице как амазонка; показательно также, что почти все имена амазонок объясняются на хеттоязычной почве.

4. Остается расшифровать загадочное формульное выражение "χυνάων εἴνεκ εὐέρων". Та же формула в о 246-247 при напоминании о судьбе другого греч. участника троянской войны Амфиарая, героя и предсказателя, который "не достиг порога старости, но погиб в Фивах из-за женских даров" - οὐδ' ἔκτεο γήρας οὐδὲν, ἢ ἀλλ' ὄλετ' ἐν Θήρῃσι χυνάων εἴνεκ εὐέρων. Смысл этой формулы раскрывается в Малой Илиаде, где формула развернута (либо ей соответствует) в отдельный мотив: Приам, чтобы склонить свою сестру Астиоху - мать Эврипила к отправлению сына на войну, послал ей в дар золотую ветвь. Во втором случае это устойчивое выражение воскрешало в памяти слушателей (позже читателей) целый миф, во многом изоморфный Орестейе. Исходной точкой развития событий и здесь является подарок женщине, жене Амфиарая, Эрифиле ('Εριφύλη), получившей от Полиника ("Фиванский цикл") ожерелье (τὸν ἄρμον - Ард. III, 6, 2), согласно Павсанию (IX, 41,2.3), золотое, в чем он ссылается на Od. XI, 327 (см. ниже), некогда принадлежавшее Гармонии ('Αρμονία), кстати, матери амазонок, ср. еще содержательную омофонию греч. слов (отличие лишь в тембре начального гласного). В результате, Амфиарай, зная о предстоящей гибели и против своей воли, вынужден был идти на Фиванскую войну и погибнуть. Не сохраненный в деталях литер. традицией, этот сюжет был одним из излюбленных в скульптуре и вазовой живописи (см. Павсаний). Включая душу Эрифилы в Νέκυια, являющуюся на всех уров-

нях текста кульминационным центром поэмы, поэт, видимо, стремился обычным для него дублированием в виде глухого и темно выраженного напоминания о трагедии Амфиарая и подлости его жены, ввести в развернуто изложенную трагедию Агамемнона: ἴδον στουερήν τ' Ἐριφύλην, ἢ χρυσὸν φίλου ἀνδρὸς ἐβέβατο τιμή-εντα букв.: "я увидел ненавистную Эрифилу, которая приняла драгоценное золото. *За много мучка*".

Знаменательно, что и сына своего Алкмеона Эрифила заставила возглавить поход эпигонов против Фив, приняв от сына Полиника пеплос Гармонии (!) — Ард. III, 7, 2 и др.

Фактически почти полная омофония звукового комплекса Ἐριφύλη с именами хеттских (в реконструкции) правителей Ἐυρύπυλος / Ἐυρυπύλη вновь уводит нас в хеттоязычную среду, где имя Ἐριφύλη особенно ее 1 часть, находит четкое истолкование, ср. продуктивное в позднехетт. ономастике наречие лик. er(i) = хетт. дув. arha "hinaus, weg, fort". В частности в лик. Ἐριυασις = хетт. Arhuwašši (Hodwink 174, ср. Sundwall 71); при редкости ономастических сложений с неясной этимологической частицей ἔρι-. В свете обрисованного анатолийского контекста имена Ἐυρύπυλος / Ἐυρυπύλη "широковратный/ая" также могут оказаться греч. адаптацией некоего хетт. прототипа; не исключено в данном случае воздействие впечатления от мощных ворот крепостных сооружений хеттов, например Хаттусаса, на которых к тому же было изображение или женоподобного воина с округлой грудью, или женщины-царицы в полном вооружении.

5. Наконец последнее отождествление реального порядка в случае правдоподобия возводящего гом. формулу в ранг исторического факта.

В Хеттских законах сохранился § 42, весьма нечетко сформулированный и касающийся правовых отношений между наемником-воином (его семьей?) и нанимателем. Преамбула закона гласит (в букв. пер.): "Если мужчину кто-нибудь нанимает, и тот в поход идет, и тот гибнет, если плата дана, то он [наниматель] и не возмещает", но ták-ku ku-uš-ša-an-še-it U.UL. pi-ja-a-an I SAG. DU pa-a-i ku-uš-ša-an-na 12 GÍN KÜ.BABBAR pa-a-i U ŠA SAL ku-uš-ša-an 6 GÍN K (U.BAB)/BAR

ра-а-1, т.е. "если его плата не дана, /то наниматель/ одну голову /раба/ дает, плату 12 сиклей серебра дает и женщины плату (в смысле *gen. poss.*, ср. вар. SAL-аš) дает". Не углубляясь в толкование, укажем следующее. Речь идет, видимо, о полном возмещении (долей?) наемной платы плюс штраф (ср. Нойфельд), и что важно для нашего рассуждения, - определенную сумму получала женщина, ср. перев. Фридриха *Neth. Gesetze*, 31: und als Lohn einer Frau (в качестве платы женщине) gibt er 6 Sekel Silber; То же у Импарати *Leggi itt.* 59. Весь контекст закона и последовательность узаконенных выплат свидетельствует, что здесь имеется в виду не участие женщины в военном походе (*labba* - как думает без уверенности Фридрих, ср. Импарати), а о одновременном вознаграждении женщине (SAL - находящейся в семейных отношениях с погибшим мужчиной (*antubšasš*), в первую очередь, видимо, его жене, обычно в Законах, обозначаемую идеограммой DAM-ŠU "жена его" (§ 31 и др.). Вероятно законодатель стремился в этом параграфе выразить более общие отношения: мужчина (не обязательно муж LU-aš) - женщина его семьи, жена, мать, сестра и пр. (ср. Дунаевская - ВДИ 4, 1952, 41, прим. 5).

В связи с этим допустимо предположение, что именно этот экстравагантный закон на взгляд крайне патриархальных греков, с их развитым институтом наемничества, узаконивший известную "материальную заинтересованность" жен и вообще женщин-домочадцев в гибели своих мужчин, ставших наемниками, мог трансформироваться в коллективном сознании греков, как дар (кстати, у Гомера просто золото) ж е н е, м а т е р и, побуждающих их принуждать - соответственно мужа, сыновей - идти на войну и гибнуть (окончательный вариант перевода:) "из-за даров женщине", согласно рассмотренному формульному выражению, в свою очередь, возможно, проливающим свет на смысл заключительного положения § 42 Хеттских законов.

ДРЕВНЕЙШИЕ ГРЕКО-АЛБАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
МУТАЦИИ ЛАРИНГАЛЬНОГО ПРИЗНАКА

1. Акцентологические разыскания Ф.Ф.Фортунатова и С.Д. Кацнельсона позволяют вывести балто-славянские (и, частично, германские) слоговые акценты из индоевропейских праязыковых слоговых акцентов, а не из редукции фонем (ларингалов). Из этого следовало бы, что реконструируемый для праязыка ларингал был не фонемой, а дифференциальным признаком, который при сдвиге с супрасегментного уровня вносил мутации в консонантизм и вокализм, либо, — например, в хеттском, — испытывал орализацию. В древнеиндийском и в древнегреческом являющихся традиционным основанием для реконструкции ларингальных фонем, подтверждением признакового характера ларингальности могут служить нейтрализации: совпадение рефлексов долгих сонантов, содержащих, согласно взглядам ларингальной гипотезы, в своем составе ларингал, с рефлексами кратких сонантов в позиции перед гласным или во втором члене композитов.

2. Исследователи, обращавшиеся к чередованиям индоевропейских звонких простых и звонких придыхательных, например, А.Эрхарт (Брно), — установили, что различие этих двух рядов согласных объясняется той же ларингальностью. Реликтовый характер данных чередований нетрудно объяснить их архаичностью. Заметным следом древних чередований является известная закономерность, по которой в индоевропейском корне невозможно сочетание двух звонких простых. Подтверждение такого объяснения и в том, что, например, в балтославянском признак ларингальности формирует слоговые акценты, не образуя придыхательных согласных, в то время как в древнеиндийском известно обратное соотношение. О направлении первоначальных сдвигов говорят следы слоговых акцентов в древнеиндийском.

3. Предложенный подход, естественно, следует применить к анализу фонетической системы всех ветвей индоевропейской языковой семьи. Трудности для объяснения представ-

ляет древнегреческий язык, в котором известны и слоговые акценты, и придыхательные согласные. Для истолкования этих явлений полезно обратиться к введенному Е.Куриловичем и И.М.Тронским понятию конечного ансамбля древнегреческого слова. Под конечным ансамблем понимается отрезок слова от начала слога, содержащего предпоследнюю гласную мору слога, до конца слова. Конечному ансамблю можно противопоставить начальный ансамбль. Слоговые акценты различаются только в конечном ансамбле ($\acute{\epsilon}\chi\theta\rho\acute{\alpha}\varsigma \leftrightarrow \acute{\epsilon}\chi\theta\rho\alpha\varsigma$); ударенность начального (ср. $\acute{\epsilon}\chi\theta\rho\alpha\varsigma$) ансамбля в оппозиции ударенности конечного ансамбля — проявление подвижного словесного ударения. Очень важно, с другой стороны, что придыхательные согласные могут закрывать не знающий тонов начальный ансамбль, но не могут стоять в конце конечного ансамбля. В связи с дистрибутивными ограничениями для позиции конца слова особую весомость приобретает сохранение в данной позиции * $\acute{\epsilon}$, подвергающегося в иных условиях аспирации — процессу, подобному формированию придыхательных согласных.

Тогда древнегреческий оказывается архаическим языком, в котором переход признака ларингальности на консонантный уровень не завершился; в греческом можно, вместе с тем, видеть формирование экономого трехрядового консонантизма с глухими придыхательными, получившего дальнейшее развитие в таких языках, как латинский или умбрийский с осским, тохарский или армянский.

4. Совершенно иными являются факты албанского языка. Подобно балтославянскому, он отражает лишь праязыковые звонкие и глухие согласные. Эта аналогия заставляла бы ожидать сохранения в албанском слоговых акцентов. Они, в действительности, были обнаружены в северозападных гегских говорах Лоумэном и Цимоховским. К данной сфере относятся:

— просодически объясненное Н.М.Трубецким противопоставление гласных по трем ступеням долготы: $hu\dot{j}$ "hu \dot{j} ", $u: \dot{j}$ "u $\dot{j}\acute{e}$ ", $hu: : \dot{j}$ "hue \dot{j} " или dan "dan", $da: n$ "dan \acute{e} ", $da: : n$ "dan $\acute{e}\acute{e}$ ";

— появление ларингального спиранта ($haru\check{\zeta}a: : ariu$) и начального толчка ($t\check{\zeta}i: fte$ "qifte", но $t\check{\zeta}i: \check{\zeta}te$ "q'ishte", способного вызвать глоттализацию последующего гласного;

- возможность противопоставления дигтонгов: *me siēl* (инфинитив), но *siēlim* (1 л. мн.ч.);

- а также реконструкция Йоклем оппозиции двухвершинности и одновершинности для протоалбанских гласных.

Хотя некоторые из этих явлений явно вторичны, в целом их можно рассматривать как реликт древней тональной системы; палатализации (и, вероятно, веляризации), как и в славянском, угнетали слоговые акценты и способствовали их исчезновению.

Сопоставление древнегреческого и албанского языков с точки зрения мутаций ларингального признака указывает на гетерогенность палеобалканской общности.

Н.С.Гринбаум (Кишинев)

ЭОЛИЙСКИЙ И КРИТО-МИКЕНСКИЙ

(диалектные связи)

1. Дешифровка линейного письма Б и изучение языка крито-микенских текстов привели М.Вентриса и Дж.Чэдвика к выводу, что "микенский" тесно связан с аркадско-кипрским, с одной, и с эолийским диалектом, с другой стороны.

2. К.Галлаветти выдвинул в 1958 году тезис о большой близости "микенского" с эолийским, а в 1968 году в статье "Об определении микенского как греческого диалекта" пришел к заключению, что язык крито-микенских текстов представляет собой протоэолийский диалект микенской эпохи.

3. В ходе развернувшейся научной дискуссии (с участием А.Хойбека, М.Дориа и других исследователей) ряд приведенных Галлаветти аргументов был признан недостаточно убедительным. Отмечалось, в частности, необоснованное причисление к эолийскому некоторых фонетико-морфологических элементов языка крито-микенских табличек. Указывалось, что Галлаветти строит свое предположение и на сообщении относительно позднего автора Страбона (I в. до н.э. - I в. н.э.).

4. Более удачное решение вопроса может быть, по нашему мнению, найдено на базе теории О.Гюффмана о существовании

двух ветвей ахейского: североахейских, т.е. эолийских, включающих фессалийско-лесбосско-беотийскую группу, и южноахейских диалектов, т.е. аркадского и кипрского. Рассмотрение в этом свете "микенского" позволяет обнаружить отсутствие в нем некоторых диалектных явлений североахейской и наличие ряда черт южноахейской диалектной группы.

5. Отклонение тезиса Галлаватти об эолийском характере "микенского" не означает отрицания присутствия в последнем отдельных диалектных элементов, характерных для эолийского. Однако представляется более целесообразным причислять их к ахейским и, в соответствии с теорией Гофмана и показаниями древнейших источников, относить к южноахейской подгруппе, к которой принадлежал аркадско-кипрский.

А.В.Десницкая (Ленинград)

ПАЛЕОБАЛКАНИСТИКА И АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

1. Вопрос об албанском языке в связи с проблематикой палеобалканистики до сих пор возникал лишь в генетическом плане. Однако давний спор о происхождении албанского от иллирийского или же от фракийского не может получить собственно лингвистического решения за отсутствием конкретных сведений о морфологических структурах указанных языков. Данные общесторического порядка, как и свидетельства из области ономастики, с достаточной определенностью говорят о том, что предки албанцев в античный период проживали в западной части Балканского полуострова и, что, следовательно, их язык вероятно должен восходить к языкам иллирийского ареала. Немногочисленные данные лингвистического порядка (в основном албано-мессапские соответствия) также в большей мере поддерживают иллирийскую гипотезу происхождения албанского языка. Но все это еще не дает настоящей интеграции албанских языковых фактов в круг материалов, используемых в палеобалканистических исследованиях. Так же в сущности мало результатов дают эпизодические обращения к албанскому словарю в целях этимологического истолкования отдельных фракийских или иллирийских лексем.

2. Нельзя не признать, что албанский язык далеко еще не дал всего того, что он может дать для палеобалканистики, будучи единственным языком, непосредственно продолжающим речь какой-то из частей палеобалканской языковой области. Не только лексика, но и грамматический строй албанского языка могут между тем послужить отправной точкой для реконструкций, имеющих целью воссоздание моделей лексического состава и грамматического строения палеобалканского языкового типа. Конечно, такие реконструкции могут производиться лишь с учетом относительно поздней даты письменной фиксации албанского языка (с конца XV века).

3. Относительно обозримой, хотя и сложной, кажется задача реконструкции древнеалбанской лексики. Для того, чтобы автохтонная часть словарного состава албанского языка могла быть в полной мере использована в палеобалканистических исследованиях, ее надлежит экспонировать с максимальным приближением к древнеалбанскому уровню. Для этого предстоит отобрать исконно-албанские элементы как с выясненной индоевропейской этимологией, так и неизвестного происхождения. С учетом историко-фонетических закономерностей и исторических наслоений словообразовательного порядка, морфологических изменений, а также с учетом развития значений, может быть реконструирован относительно древний облик соответствующих основ. При этом нельзя забывать о том, что реконструируются не индоевропейские праформы, но древнеалбанские основы, иначе говоря, хронологический уровень албанского языка того периода, когда в него проникали древнегреческие и латинские заимствования (примерно период от 500 до н.э. — 500 н.э.).

4. Значительно сложнее проблемы, связанные с реконструкцией древнеалбанской морфологической структуры. С самого начала ясно, что речь здесь не может идти о воссоздании цельных парадигм, но только о выявлении наиболее характерных признаков, явлений, тенденций развития, о воссоздании картины того, как на остатки древних флективных парадигм своеобразно наслаивались инновации и как происходило создание основ морфологической структуры албанского языка в том виде, как она засвидетельствована в историческое время. Мето-

дом исследования здесь может быть двухсторонняя реконструкция: а) исходя от выработанной в сравнительной грамматике морфологической модели языка позднейиндоевропейского периода, учитывается состав унаследованных албанским языком индоевропейских элементов, который проецируется затем на древнеалбанский уровень; б) отправляясь от новоалбанского состояния вглубь, производится внутренняя реконструкция изменений, которые выстраиваются затем в порядке относительной хронологии.

5. Факты албанского языка, будучи интегрированы в круг материалов палеобалканистики путем транспозиции на древнеалбанский уровень, могут оказаться полезным и важным источником углубления знаний в этой научной области.

Г.Б.Джаукян (Ереван)

О РЕФЛЕКСАХ ИНДОВЕРОПЕЙСКИХ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ В ФРИГИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Исследователями фригийского языка были высказаны все логически возможные мнения о его месте среди языков *satəm* и *centum*: 1) фригийский является языком *satəm*, 2) фригийский является языком *centum*, 3) фригийский занимает среднюю позицию между языками *satəm* и *centum* - с переходными чертами (т.е. собственно не является ни тем, ни другим), 4) под фригийским следует понимать совокупность фактов языков *satəm* и *centum* (т.е. фригийский является и тем и другим). Последние два мнения обычно высказывались как дополнения к первым двум в связи с необходимостью объяснения противоречащих фактов, причем их авторы обычно и не замечают, что переходят на другую точку зрения.

2. Наиболее распространена первая точка зрения. После А.Фика, который на основании параллели фриг. *semau* = слав. се́моу причислил фригийский к языкам *satəm*, этой точки зрения придерживались А.Торп, Ш.Кречмер, Н.Юкль, Ф.Соллсен, В.Лизани, В.Георгиев, И.Дьяконов и другие. В пользу принадлежности фригийского к языкам *centum*

высказывались Р.Майстер, Э.Герман, Х.Педерсен, Д.Дечев, О.Хаас и другие. Способы объяснения противоречащих фактов в большинстве случаев одни и те же: указывается на не-правильность некоторых этимологий, часть примеров объясняется заимствованиями или нефригийскими, говорится либо о депалатализации палатальных, либо, напротив, о палатализации непалатальных в определенных позициях. Кроме того, сторонники первой точки зрения указывают на наличие кентумных фактов у таких сатемных языков как албанский, сла-вянские, балтийские: сторонники же второй точки зрения до-пускают возможность выделения различных слоев в фактах, при-писываемых фригийскому (О.Хаас).

3. Для правильного решения вопроса о сатемности и кен-тумности того или иного языка, нужно иметь четкое представ-ление об истории палатализации. В связи с этим следует от-вергнуть крайние толкования – приписывание процессов пала-тализации и вызванных ею дентализации, аффрикатизации и ас-сибиляции либо целиком к периоду и.-е. общности, либо к эпо-хе развития отдельных и.-е. языков. В действительности следу-ет различать периоды – а) раннеиндоевропейский, когда проис-ходила палатализация в обычных для этого процесса условиях и палатальные были лишь аллофонами, б) позднеиндоевропейский, когда первичные условия затемнились и палатальные стали са-мостоятельными фонемами, в) период существования отдельных языков, когда палатальные заднеязычные перешли в передне-язычные смычные, аффрикаты и фрикативные – по-разному в от-дельных языках.

4. Имея в виду, что в позднеиндоевропейский период пала-тальные не являлись позиционными вариантами фонем, а уже самостоятельными фонемами и что дополнительные процессы пала-тализации происходили также в период существования отдельных языков, нельзя считать сатемными языки, в которых имеющиеся примеры показывают явную позиционную обусловленность палаталь-ных. Именно в таком положении находится фригийский язык. Кажущиеся исключения легко объяснить обычными в таких случаях процессами ассимиляции и диссимиляции. Следует также иметь в виду большую типологическую вероятность палатализации

первичных палатальных, чем депалатализации первичных палатальных (при сохранении заднеязычности), если учесть маркированность палатальных по отношению к непалатальным.

Кентумный характер фригийского виден также из факта различения им лабиализованных и нелабиализованных (ср. *k^hi- > тс = греч. τс, лат. qui). Между тем в и.-е. языках satəm за исключением албанского, где по результатам дополнительной палатализации различаются эти два типа заднеязычных, - одновременного (особенно прямого) противопоставления палатальных непалатальным и лабиализованных нелабиализованным не существует.

Вяч.Вс.Иванов (Москва)

ГОМЕР.ГРЕЧ. Δεῦμος τε Φόβος τε : ХАТТ.
 ТАУЦА ТАР/УИ, ХЕТТ. NAḤŠARATT - ҶЕРИТЕМА -

Гомеровскую пару персонафицированных образов Страха и Трепета (Δεῦμος τε Φόβος τε, Δ 440, Λ 37, О II 9) представляется возможным отождествить с аналогичными образами, выступающими в хаттско- ("протохеттско")-хеттском тексте мифа о луне, упавшей с неба: хатти ud-u-ua_a tur/уи_i ta-h-kuua-t, хеттский перевод - epta-an naḥ-šaraz epta-an Ҷeritemaš "схватил (взял) его (Бога Грозы) Страх, схватил (взял) его Ужас". Закрытие Страха и Ужаса (хатти тауца_a тур/уи_i, хетт. naḥšaratt-Ҷeritema-) составляет главную задачу богини хатти Kattaḥ - Zip/ури (Царицы Цуфури, хетт. Kamrušera-) в этом мифе и жреца ("Человека Бога Грозы") в ритуале, совершавшемся, когда раздавались удары грома, ср. новохеттский ритуал Бога Грозы, где надлежит девять раз "пить" /n/aḥšaradduš /Ҷeritem/uš šA^{Du} "Страхи и Ужасы Бога Грозы". Эти же хеттские эквиваленты хаттских олицетворений "Страха - Ужаса" выступают и в архаическом строительном ритуале KUB XXXIX 1 Vs. III 34-35 и в среднехеттском гимне Солнцу: ^dUTU-i šar-ku LUGAL-u-e 4-an ḥal-ḥal-du-u-ma-ri uk-tu-ri iš-tar-na ar-ha i-ia-at-ta-ri ZAG-az-te-it na-aḥ-ša-ra-at-te-eš ḥu-i-ia-an-te-eš GÜB-la-az-ma-at-ta u-e <ri>-te-ma-aš ḥu-i-ia-an-te-eš

"О Бог Солнца, возвышенный царь! Вечно ты объезжаешь четыре стороны света! Справа от тебя бегут (буквально: бегущие) Страхи, слева же от тебя бегут Ужасы" (Куб XXXI 127 I 58-61). Разительную аналогию этому гимну, где Солнце представлено как выезжающее на колеснице, запряженной лошадьми, можно найти в тексте "Илиады" (0 119-120), где Страх и Трепет запрягают колесницу бога (Арея): $\text{Ὀς φάτο καὶ β' ἴππους χέλετο Δεῖμον τε Φόβον τε ζευχόμεν}$ (0 119-120) "Так произнеси, он Страху и Трепету дал приказ запрячь / Впрячь лошадей" (здесь и далее перевод Минского).

Особый интерес представляет соединение в описании щита Агамемнона упоминание этих персонифицированных образов с другим мотивом - Горгоны "коршунворзой" - $\beta\lambda\omicron\sigma\upsilon\rho\tilde{\omega}\pi\iota\varsigma$, где по Лейману $\beta\lambda\omicron\sigma\upsilon\rho\tilde{\omega}\varsigma < \text{и.е. } *g^w\text{lturo-s}$, ср. лат. *vulturius* "коршун", при однотипных $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\tilde{\omega}\pi\iota\varsigma$ "Αθήνη" "светлоокая Афина" (α 44, Α 206), $\beta\omega\tilde{\omega}\pi\iota\varsigma$ (πότινια) "Ἥρη" "волоокая (госпожа) Гера" (Α 551) (гипотезу подтверждает изображение хищной птицы = Горгоны на критском щите 8 в. до н.э.). Горгона представляет собой зооморфный символ, сходный с типологически тождественным представлением хозяйки мира мертвых в виде птицы и в особенности с одетыми наподобие птиц жрицами, совершавшими погребальный обряд в Чатад Гюлке. Этот образ мог через позднейшие традиции повлиять на греческую. При допущении последнего сопоставления в "Илиаде" Α 36-37 соединяются два мотива древне-малоазиатского происхождения: образ смертоносной женщины-птицы и олицетворений Страха и Ужаса: $\text{τῆ δ' ἐπι μὲν Γοργὼ βλοσυρῶπις ἐστεφάνωτο βελὸν βερκομένη, περὶ δὲ Δεῖμος τε Φόβος τε}$ "Сверху тот щит был увенчан свирепоглядящей Горгоной, Страшной для взора, и Трепет и Страх находились с краю".

Греч. Δεῖμος - производное на *-mo- от глагола $\beta\epsilon\acute{\iota}\beta\omega$, как $\text{cerite}\tilde{m}\tilde{a}$ - производное того же индоевропейского типа от глагола cerite- (к корню ср. лат. *vereor*, *veritus*); однотипное lalukkime- (употребляющееся в значении "лучезарный свет" в цитированном среднехеттском гимне) в древнехеттско-хаттской билингве-обращениях "на языке богов и на языке людей" (возможно, повлиявших на аналогич-

ные представления у Гомера) переводит хатт. *kašbarujah*
 в *ut-hu-ru-u le-e-^DUTU ha-ci_i-mu_u -na-a-a-an le-e-^DUTU*
ha-ca_a -aš-ha-ci_i ka-aš-ba-ru-u-ia-aš = хетт. *tu-ca-at-tu*
^D*UTU-i* [*da-an-du-ki-eš-ni*] / ^D*UTU-uš zi-i-ik* ^{DIN} GIR ^{MES}
-na-ša iš-tar-na la-lu-u [*k-ki-ma-aš zi-ik*] "Будь миро-
 стиво, Солнце! Среди (= на языке) людей ты - богиня Солнца,
 среди (= на языке) богов ты - сияющий лучезарный свет"
 (формула *zi-ik-pát* ^D*UTU-uš la-lu-ki-ma-aš*
 повторяется в среднехеттском гимне; ср. также внутреннюю
 форму "свет" индоевропейского и греческого названий Бога
 Солнца). Греч. *Φόρος* - тематическое производное от осно-
 вы *φέρωμαι*. Хетт. *našaratt* - абстрактное производное
 на *-att-* < ие. **(e/o)t-* - от основы *našar(i)a-*, ср.
naš- "бояться, почитать"; морфологическая структура суще-
 ствительных хатти еще не выяснена. Возможно, что греческие
 существительные являются кальками хеттских (периода контакта
 Среднехеттского царства с Аххивой). Но по культурным (миф
 о Тифоне) и языковым данным нельзя считать полностью исклю-
 ченным и непосредственное соприкосновение греков в Малой
 Азии с хатти - греч. *χαλυβες*, "железоделатели" (хатти
ḫar/ḫalki "железо", откуда хет. *ḫaralki* и греч. гом.
χαλκός, мик. *ka-ko* "металл", *ka-ke-u* "кузнец", гом.
χαλκεύς "медник, золотых дел мастер").

Н.В.Казанский (Ленинград)

ЛУВИЙСКОЕ *aḫḫa* ~ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ *ἄχρη*

1. Уже почти три десятилетия Э.Ларош настаивает на со-
 поставлении четырех анатолийских форм, не указывая, однако,
 пути к строгому доказательству их родства: хетт. *maḫḫan*
 "когда", лув. *aḫḫa* "когда", ликийское *ēke* и *ḫke* "когда",
 после того как, вскоре". Действительно, достаточно регуляр-
 ное соответствие можно установить только между ликийскими
 и лувийской формами, для хеттского, где со значением *maḫ-*
ḫan в памятниках древнего царства выступает *maḫ*, нужны
 дополнительные разыскания. В качестве праанатолийской основы
 (учитывая назальный в ликийской и хеттской формах) можно
 восстановить **mok-/ *ḫk-*.

2. Для праиндоевропейского состояния постулируется сикретизм пространственно-временных отношений, что позволяет включить в наше рассмотрение греческие дублетные формы наречий, ставших затем предлогами $\acute{\alpha}\chi\rho\iota\varsigma/\mu\acute{\epsilon}\chi\rho\iota\varsigma$ "вплоть до", для которых установлена этимологическая связь только с армянским meġj "вблизи". Расчленение $\mu\acute{\epsilon}\chi\rho\iota$ на частицу $\mu\acute{\epsilon}$ - и $*\acute{g}het-$ "рука" (сторонники такого членения привлекают $\mu\acute{\epsilon}-\sigma\varphi\alpha$ "вблизи") малоудовлетворительно, т.к. остается без объяснения вариант $\acute{\alpha}\chi\rho\iota$. Нам представляется более правдоподобным выделить корень $*meġh-$, суффикс $-t-$ и локативное $-i$.

3. Сопоставление греческой и праанатолийской форм позволяет нам реконструировать на праиндоевропейском уровне корень $*meġh-$. Поиски соответствий в других языках приводят нас к известной семье слов, возведенной в словаре Покорного к форме moks "затем, после". Представленная латинским mox "затем, вскоре, после", санскритским makṣi "вскоре, скоро, затем", авестийским moṣi "как скоро, когда вскоре", древнеирландским mōs и кимрским moch "скоро", эта основа может быть возведена к постулируемому нами корню: $*mogh-s \rightarrow *moks$.

4. Наречия, образованные от этого корня, распадаются с семантической точки зрения на две группы, первую из которых составляют формы со значением "вплоть до, близко", а вторую - формы со значением "затем, вскоре, как только, когда". Совмещение этих значений в одном корне представляет собой некоторую параллель корню $*hant-$ (хетт. hant- "лоб"), от которого произошли слова типа латинского ante (1. "перед", 2. "до").

И.А.Калужская (Москва)

АЛБ. DRIZĒ "КОЛОЧИЙ КУСТАРНИК, PALIURUS;
ШИП, КОЛОЧКА"

Алб. название колючего кустарника drizĕ неоднократно привлекало внимание исследователей. Г.Майер и вслед за ним Н.Йокль считали его родственным алб. dru "дерево" ($*aru-\text{u}-os$), отражающим вариант с \bar{u} + суф. $-zĕ-$

деминутивный (Майер) или собирательный (Йокль). Думается, однако, что оба слова не связаны между собой, на что указал Э.Чабей (Buletin i universitetit Shtetëror të Tiranës, 1961, n 3, f. 60).

Сопоставление, основанное на внешнем сходстве, предлагал Ст.Младенов, сравнивая алб. drizë с фрак. Δρῖξιαρος, Drizurara и пр.

Э.Чабей (ук. соч.) возводит drizë к и.-е. корню *der-, derə- "рвать, разрывать", отмечая, что алб. слово отражает нулевую ступень огласовки; -zë он считает деминутивным суффиксом, утратившим свое значение.

Мы хотели бы предложить иную этимологию алб. слова, базирующуюся не на корневом тождестве, а на тождестве основ, связав алб. drizë с авест. dərəza- "оковы, путы", лит. diržas "ремень" (к и.-е. *derg'(h)- 'halten, festhalten", ср. др.-инд. dṛhyati "macht fest", авест. darəzayeti "bindet, fest, fesselt", др.-прусск. dīrstlan "kräftig, stattlich").

С формальной стороны здесь наблюдается полное тождество (все три формы отражают r). Семантические же основания для возведения drizë к корню со значением "держат" можно усмотреть в вост.-слав. названиях Paliurus'a: русск. держи-дерево, укр. держи дерево, блр. дзяржыдрэва (слав. *dǫžьati к тому же корню *der- с другим расширителем), а также в описании колючих растений в русск. загадках, как "те, которые хзатют, держат, не отпускают", ср., кроме того, алб.

dalmi te driza murrizë

.....

Mu zu ferri këmbien.

(Mbledhës të hershëm të folklorit
shqiptar, I. Tiranë, 1961, f. 143).

Кстати, к той же основе *derg'h- относит созвучную словенскую форму deréze "шипы на подошвах, кошки" Безлай; о слав. названиях растений типа *dereza/derezga с иной трактовкой см. ЭССЯ, т.4, с. 205-206.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ОТРАЖЕНИЕМ \bar{r} , \bar{l} В АЛБАНСКОМ

1. В то время как рефлексацию и.-е. кратких плавных слоговых в алб. можно считать твердо установленной ($*\bar{r} > r_1$ и, вероятно, $*\bar{l} > l_1$: *kriṃp* 'червяк', др.-инд. *kṛṣiṃ* 'то же' и под., *dritē* 'свет' < $*dṛk̑tā$: др.-инд. *dr̥ṣ-* 'взгляд', греч. *δρακεῖν* 'увидеть' и т.п.), проблема отражения и.-е. долгих плавных слоговых в алб. пока не решена (мнение Йокля, видевшего в алб. *ar* продолжение $*\bar{r}$, в настоящее время может быть оспорено; в более поздних работах Манна и Георгиева эта проблема искусственно упрощалась, причем утверждалось, что алб. не различает долгих и кратких плавных слоговых).

2. В албанском и.-е. $*\bar{r}$ давало *ur*, *ru*, а $*\bar{l}$ -*ul*. Эта гипотеза может быть подтверждена следующими примерами:

grugë 'пшеница; хлеба, злаки', гег. *grunë* < $*g̑ȓnā$ (мн.ч. исконного $*g̑ȓnos$ в собирательной функции?): др.-инд. *g̑ȓṇāḥ* 'трухлявый, растертый, сморщенный', лит. *žirnis* 'горошина', слав. *žrno* (серб. *žrno*), лат. *grānum* 'зерно', др.-ирл. *grán* 'зернышко';

gurmaz, *grumaz* 'пищевод, гортань', возможно, *grukë* 'горло, ущелье, кратер' (разные суффиксальные оформления и.-е. $*g^wera-$, с не вполне ясным развитием сонанта в *grukë*): др.-инд. *g̑ȓṇāḥ* 'проглоченный', лит. вин. п. *gūrkliū* 'глотка, зоб', слав. *g̑rdlo* (серб. *gȓlo*), греч. *φρωτός* 'съедобный, употр. в пищу', *βράραδρον* 'ущелье, пропасть, жерло, пасть';

gur 'камень, булыжник; камень в почках; игральная кость', особо ср. *gur mulliri* 'жернов' ($*g̑ȓnos$): лит. *g̑ȓna* 'жернов', *g̑ȓnos* 'ручная мельница', ирл. *bró* жернов (кельт. $*bȓw̑n-$); ср., однако, серб. *жрвањ*. Иную этимологию предлагает Йокль.

drudhe 'крошка (хлеба и т.п.)' < $*d̑ȓh-$, а в конечном счете к и.-е. $*d̑eȓ-$ (алб. *djerr* 'уничтожаю, теряю'): скр. *d̑ȓṇāḥ* 'доля добычи', валл. *darn* 'кусок' и т.п.

С иной ступенью вокализма алб. *djerrë* 'невозделанная земля, пахота' (<**derdā*);

krye 'голова' <**k̑ȓiā*, образование на -y- от и.-е. названия 'голова, рог' - ср. греч. *κεφαλή* 'голова, череп' <**k̑ȓn*. Интересно фонетическое развитие **k̑ȓx*->**k̑ru*->**k̑ȓ*->*kry*(e);

kulr 'плот', *kulrër* 'дикое выщелое растение' <**k̑l̑r*- : лит. *kilra* 'петля';

mullëzë 'желудок (животного)' <* 'то, что перемалывает' (**m̑l̑n*-) : др.-инд. *mūgrāḥ* 'размолотый', лит. мн.ч. *miltai* 'мука' и т.п.;

kullusmë 'чаша, дебри', возможно также *kullo* 'пастись скот' <**k̑l̑n*-: лат. *callis* 'горная тропа, лесное пастбище', ср.-ирл. *caill* 'лес', валл. *celli* 'роща' и др.

3. От описанной выше картины в алб. имеется ряд отклонений: группа слов, содержащих *ar* как возможный рефлекс *ǃ*: *i gjallë* 'живой', ср. лат. *salvus*, греч. *ἰσλός*, Йокль восстанавливает здесь **ǃ*; *valë* 'волна': др.-инд. *ṽȓm̑h* 'волна'; *i parë* 'первый': лит. *pirmas* 'то же'; *ari* 'медведь' <**ǃk-t*-/**ǃk-s*-. Однако *i gjallë* и *valë* не обязательно должны быть связаны с нулевой ступенью огласовки, и как показывают другие параллели, могут отражать основу с огласовкой -o-. Что касается *i parë*, представляется перспективным сближение его с скр. *paraḥ* 'впереди', ав. *parō*, греч. *πῶρος* 'раньше' и т.п. Без объяснения остается лишь *ari*, которое некоторыми своими фонетическими особенностями наводит на мысль о том, что оно относится к иному лингвостатическому слою.

4. Как было показано в алб. разный тембр гласного при сонанте связан с долготой/краткостью сонанта в и.-е. В этом отношении алб. представляет собой необычное явление, причем не исключено, что связь между тембром и долготностью плавных слоговых представляет собой достаточно древнее фонетическое явление, сохраненное лишь в алб. Вместе с тем необходимо отметить, что по наличию у рефлексов плавных слоговых гласных с тембром *u* и/или *i* алб. объединяется с германским, балто-славянским, индоарийским и (с очевидными оговорками)

догреческим. Как известно, в отличие от алб., в этих языках либо наличествует один вариант тембра, либо (как в балто-славянском и отражениях долгих плавных слоговых в индоарийском) отсутствует какая-либо закономерность в распределении тембров *u/i*.

Г.П.Клепикова (Москва)

ЛЕКСЕМА *pojata* В ЯЗЫКАХ КАРПАТО-БАЛКАНСКОЙ ЗОНЫ

1. Языки и диалекты карпатского ареала обладают рядом специфических лексико-семантических особенностей; исследователи различают среди них "карпатизмы" - древние элементы, общие языкам ареала, и "балканизмы" - элементы, распространившиеся в этих языках в более позднее время и служащие доказательством существования единой, к а р п а т о - б а л к а н - с к о й зоны (Бернштейн). Одним из таких "балканизмов" в языках карпатского ареала является лексема **pojata*, отраженная в восточнороманских языках как *poiată* (поятэ, пояты), а в венгерском - как *rajta* (откуда - слов., морав. *rajta*).

2. Характерной чертой карпато-балканской зоны является и специализация указанной лексемы в качестве терминов: а) "постройка, используемая в пастушестве" (абсолютная специфика) и б) "хозяйственная постройка различного назначения" (относительная специфика, т.к. это значение свойственно и другим существительным с **jat-*). Например: а) зап.-болг. ^{поята} "зимнее помещение для овец, рогатого скота", "навес~", "навес, жилище пастуха", макед. *pojata* "загон (с навесом) для овец, скота" (Струмица, Полог, Црна гора), с.-хорв. *pojata* "то же" (Вост. Сербия, Босния и Герцеговина, Зап. Хорватия), "пастушеская стоянка" (Воеводина, Румынский Банат), "загон (с навесом)" (Косово), словен. *pojata* "помещение, загон для скота", друм. *poiată* "помещение для овец, скота" (Марамуреш, Сев. Молдова, Трансильвания), арум. *paiață, buiață* - "укрытие для скота", мегленорум. *puiață* "хлев", молд. *poiată* "зимнее укрытие для овец", "хлев" (Вост. Молдавия), алб. *pojatë* "помещение для скота"; б. зап.-болг. *поята* "помещение для половы", макед. *pojata* "навес, летняя кухня"

(Дебар), "место, где сушат табак" (Джеджели, Кукуш), с.-хорв. *rojata* "подворье" (обл. Кучи), "хозяйственная постройка" (о. Паг, Крк), "~для дров", "помещение, где держат корм для скота" (Синь), словен. *rojata* "хозяйственная постройка", "бедный дом", друм. *rojata* "помещение для сена" (Бая-Маре), вост.-молд. поятэ "~для половы", "~для с.-х. орудий".

3. Если исходить из этимологических версий, рассматривающих ю.-слав. *rojata* и образования с корнем **jat-*, известные в сем славянским языкам, как родственные (см.: Sławski, там же приведены иные точки зрения; ср. Simeonov) и определять первоначальное значение **jat-* как 'собрание воедино, в определенный коллектив (о людях)', 'собрание в стаю, стадо (о животных)' (В.Н.Топоров), то дериват *ro-jat(a)* может квалифицироваться в качестве локального варианта, существовавшего уже в праславянском (наряду с *jata*, *jato* и под.), для которого вероятно следующее развитие семантики: → "место, постройка, где собирают (= разбирается) скот" → "~где держат корм для скота" → "хозяйственная постройка" Генетическая связь слав. *rojata* и альпийского термина *baita* "хижина", "бедный дом" (Battisti-Alessio; Schorta) отсутствует (вопреки П.Скоку), хотя известны соответствующие заимствования в словенских и хорватских диалектах, однако влияние семантики последней лексемы возможно, ср. словен. *rojata* "бедный домик", *jata* "хижина", хорв. *jata* "шалаш сторожа" и др.

А.А.Королев (Москва)

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ В СВЕТЕ НОВЫХ МАТЕРИАЛОВ

Семидесятые годы ознаменованы открытиями новых памятников кельтских языков на Пиренейском п-ове и на территории бывшей Галлии. Одновременно с этим происходит ревизия и уточнение давно известных фактов, которые, как выясняется, нуждаются в серьезной реинтерпретации, а иногда и в коренном пересмотре.

1. Значительным событием было открытие большой кельтиберской надписи из Боторриты (недалеко от Сарагоссы). Хотя

предложенные до сих пор ее интерпретации сильно расходятся между собой, не подлежит сомнению, что этот текст представляет собой сакральный закон. Наряду с кельтиберским языком на Пиренейском п-ове были распространены диалекты 2-ой волны кельтских пришельцев - галлов, однако эпиграфических материалов от них не сохранилось. На западе п-ова более четко определяется граница между кельтиберским и языком первых индоевропейских завоевателей (условно называемых "лузитанцами"). Несмотря на находки нескольких новых надписей на этом языке (в том числе относительно длинной из Кабесу даш Фрагуаш), пока можно с определенностью только отнести его к западному "европейскому" ареалу и.-е. языков; в отличие от кельтского, в нем сохраняется старое *r. С другой стороны, несомненны интенсивные взаимовлияния между этими обеими группами, в частности, в ономастике. Поэтому использование данных имен собственных не дает оснований для надежных выводов; необходимо тщательно разграничивать кельтиберский и "лузитанский" материал.

2. Данные континентальных кельтских языков выявляют их очень большую архаичность по сравнению с островными кельтскими. Так, в кельтиберском отмечается свободный порядок слов, сохранение и.-е. аблатива и инструменталиса, многочисленные лексические архаизмы. К сожалению, обширные галльские надписи из Шамальера и Лезу все еще не опубликованы. Тем не менее, ревизия многих давно известных памятников, напр., граффити из Грофесанка, позволила дать целый ряд новых интерпретаций, а также выявить многие voces nihili, давно кочующие из одной работы в другую (напр. tidres "три").

3. В результате исследований последних лет все отчетливее вырисовывается пестрота и сложность диалектного членения кельтских языков на континенте. В настоящее время можно выделить: а) группу собственно галльских диалектов (в том числе язык галатов в Малой Азии), б) лепонтийский язык (в сев. Италии), в) кельтиберские диалекты на территории Испании. Возможно, что от некоторых кельтских языков просто не сохранилось никаких памятников. Выясняется, что "банальная фонетическая изоглосса" (К. Уоткинс) - рефлекс и.-е. *k^w и *kw, уже в первые века до н.э. дает право говорить о q- и p-кельтских языках; кельтиберийский, подобно ирландскому, относится к q- языкам.

АРХИ И ТО ПЕРИЕХОН У ДОСОКРАТИКОВ

Несмотря на то, что неаутентичность термина ἀρχή "принцип, первоначально" для раннегреческой натурфилософской прозы была указана Бернетом еще в конце прошлого века, этот технический термин Аристотеля до сих пор продолжает ассоциироваться у большинства исследователей с милетцами и даже в Кембриджской истории греческой философии У.Гатри выступает как центральный для милетцев. Это заблуждение историков философии проникло и в лингвистические авторитетные словари (Лидделл - Скотт, Шантрен), исказив тем самым семантическую историю слова. Против аутентичности термина ἀρχή 'principium' для милетцев и для досократиков вообще (до Филолая) можно выставить 8 аргументов (из них только первые три были частично предвосхищены Бернетом, Керком и Лумпе)*:

1) Все доксографические сообщения типа "такой-то принимал за ἀρχή то-то" через Теофраста восходят в конечном счете к Альфе "Метафизики" Аристотеля, где эта формулировка задана проблематикой трактата (предвосхищение предшественниками Аристотеля его учения о четырех "причинах" αἰτίαι или "принципах" ἀρχαί). 2) В цитатах expressis verbis из досократиков нет ни одного случая употребления ἀρχή вне предложных конструкций с адverbiallyм смыслом или вне противопоставления "начало - конец", а единственное позднее исключение - фрагменты Филолая (даже если считать их аутентичными) - не бесспорно и ни о чем не говорит, т.к. ἀρχή как предикат "единицы" и ἀρχή как предикат "воздуха" едва ли сопоставимы. Единственное косвенное свидетельство о раннем употреблении ἀρχή в абсолютном смысле Simplicius. P. 24,15 = 12 A 9 DK таковыми не является и ему должно быть дано новое истолкование, отличное как от традиционного, так и от толкования Бернета-Керка. 3) В доперипатетических доксографических обзорах (Платон; Исократ, Гиппократ) термин ἀρχή не фигурирует. 4) У самого же Аристотеля обозначение досократовских "воды", "воздуха"

* Большинство этих аргументов mutatis mutandis может быть выставлено и против предложенного Бернетом милетского оригинала φύσις.

и т.д. варьируется в зависимости от проблематики трактата, в который включена доксография: в А "Метафизики" это ἀρχή, в "О небе" Г 5 - στοιχεῖον. 5) Симпликий имел в руках полные сочинения Парменида,)

(Мелисса, Эмпедокла, Анаксагора и Диогена из Аполлонии, и если бы в них ἀρχή упоминалось в той же связи, что и в "Физике" А2, Симпликий в первую очередь процитировал бы эти пассажи. 6) Если бы термин ἀρχή употреблялся в досократовских сочинениях в интересующем нас значении, то мы не имели бы того разнобоя в доксографии относительно того, что именно тот или иной философ принимал за ἀρχή, какой мы имеем в случае с Ферекидом, Анаксимандром, Анаксименом, Ксенофаном, Гераклитом, Анаксагором, Гиппоном и особенно Архелаем. (5 вариантов!). 7) Мы имеем своего рода досократико-доксографические билингвы, когда в подтверждение стереотипной формулы "такой-то принимал за ἀρχή то-то" цитируется аутентичный фрагмент, где ἀρχή отсутствует. 8) Семантический аргумент: термин ἀρχή имеет сильную коннотацию "начальной точки", и если эта "точечность" легко соединима с "единицей" Филолая, то как совместить ее с идеей бесконечного экстракосмического континуума, каким были так называемые "начала" милетцев?

Таким образом, термин ἀρχή должен быть исключен из внутренней реконструкции досократовских систем. Но он может быть удержан как (заимствованный у античных доксографов) термин современного метаязыка для описания этих систем в диахроническом аспекте со значением "космогонического начала". В плане космологии его коррелятом оказывается уже не условный, а вполне аутентичный термин τὸ περιέχον засвидетельствованный для Анаксимандра и Анаксимена (в вербальной форме), Анаксагора и атомистов, и концептуально релевантный для Фалеса. С помощью этих двух терминов можно вывести общую формулу милетско-анаксагоровской модели космоса (возможно не верную для Гераклита): ἀρχή в космогонии и τὸ περιέχον в космологии совпадают. Описываемая модель характеризуется приматом периферии: понятие центра здесь играет подчиненную роль или вовсе отсутствует. Этой общемилетской космологической эстетике периферии противостоит

пифагорейская эстетика центра, находящая свое выражение в законе: *ἀρχή* в космогонии и центр в космологии совпадают (ср. пифагорейскую теорию "центрального огня", с одной стороны, и учение Гиппаса о космогоническом первоогне - с другой). Характерно, что в 5 в. именно Парменид и Эмпедокл, находившиеся под сильным пифагорейским влиянием, отказываются от древнемилетского концепта *τὸ πρῶτον*, прокладывая путь к замкнутой Вселенной Платона и Аристотеля.

Т.А.Малахова (Москва)

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ПРОВАНС. LAUZENGIERS ИЗ ЛАТ. LAUD-

По мнению наиболее авторитетных специалистов (Жанруа, ср. Короминьяс, М.Мейлах и др.), лексема *lauzengier*, обозначающая одного из "антикуртуазных" персонажей в поэзии трубадуров - "льстеца", "клеветника", "злоречивого сплетника", восходит к лат. корню *laud-*, засвидетельствованному в классич. *laus*, *-dis* "хвала и т.д." и деноминативе *laudo*, *-āre* "хвалить, восхвалять", также "называть, упоминать и т.д." В Оксфордском словаре первым дано специфическое значение "произносить речь на чьих-либо похоронах", *laudator* - "произносящий хвалебную речь по умершим, панегирист" (*Levis-Short s.v.*).

Такая поляризация значения в рефлексах одного и того же корня: хвала - клевета несомненно является итогом существенной семантической эволюции, исходные точки которой, как представляется, могут быть обнаружены в первоначальном комплексе значений, присущих лат. *laud-* и сохранившихся частично именно в поэтическом языке.

Историко-этимологический анализ лат. *laud-* показывает, что первичное значение лат. *laus* могло бы быть "оглашение имени", "зов" и соответственно *laudare* "именовать", "называть". В этом смысле показательны глоссы: (A.G.) *laudare significat prisca lingua nominare appellareque; elaudare plus quam nominare; (P.F.) laudare apud antiquos pro nominare.* Оба слова, вероятно, в своей исконной функции имели религиозный смысл, ср. гот. *liuþon* "петь хвалу" и относились к похоронному ритуалу, обозначая последний зов, обращенный к мертвым, затем надгробную речь, ср.

supremae laudēs, т.е. "последние надгробные похвалы", laudatio funebris, т.е. "надгробная похвала" (см. Waldehoffmann, I, 776; Ernou-Meillet, 504). Поздняя и средневековая латынь дает засвидетельствования в основном из юридической сферы с общим значением оценки, одобрения, решения, совета (судьи) (см. Du Cange) Провинциальная латынь сохранила форму с первичным этимологическим значением laudare > lauzare "петь, в том числе петь хвалу; проричать и пр."

Романские рефлексы корня laud- дают возможность судить об определенном семантическом сдвиге в сторону, противоположную тому, что Эрну-Мейе называют *assertion favorable*. Так, имеются, с одной стороны, ст.-фр. los "хвала, согласие, соглашение", ст.-фрейб. os "награда" и пр., с другой - сипил. lauzi, мальфетт. louese "обвинение". К кругу полярных значений примыкает фр. losange "лесть", прованс. lauzenja, lauzenga - "злые наговоры, клевета", также "хвала", "лесть" (ср. Meyer-Lübke, №№ 4944, 4947); прованс. формы, видимо, из асс. laudem + ja; от них в качестве простой деривации lauzengiers "льстец, воздающий хвалу", "злоречивый клеветник". Думается, употребление дериватов лат. корня laud- в значении "лесть", "льстец, воздающий хвалу" обусловило "речевую" ситуацию позиции нейтрализации, вызвавшую расщепление единого семантического поля в сторону поляризации значений.

Изучение на уровне текста более 200 случаев употребления лексемы lauzengiers, которые удалось собрать, выявляют практически всю гамму значений, фиксированных в романских языках: от "воздающий хвалу" до "сплетник, клеветник", ср. lauzenia, lauzenga "хвала, лесть", "любовное служение", lauzengamen "клевета, злословие" (см. словари Raupourard, Levy). В некоторых контекстах проступает экспрессивно неокрашенное значение, возрождающее первоначальный смысл корня laud- и проявляющееся в функции "называния", "угадывания" (любовой тайны). У Бертрана Карбонеля имеется фраза, как бы восстанавливающая семантическую эволюцию: Don lo lauz torna en blasmor "тогда похвала становится клеветой"; обнаружен один редкий пример, где lauzengiera (amore) употреблено как прилагательное со значением "благосклонный" (Peirol, la gran eleganza...).

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОТОАЛБАНСКОГО *d̥-

1. Согласно классической точке зрения, и.-е. *d̥-, *dh̥- развивались в алб. d-, Это мнение базируется на нескольких не вызывающих сомнения этимологиях: *deḡē* "дверь, ворота" правильно продолжает и.-е. *dh̥uōgā, ср. др.-инд. *dvāras* "двери", греч. *θύρα* "то же" и т.п.; *dy* "два" < и.-е. *d̥uō (Pokorny 229); несколько большие сомнения вызывает такие этимологии, как *deḡē* "ветка" < *d̥uoiḡhā (родственные и.-е. формы, которые см. ниже, согласно указывают на огласовку e, а *deḡē* можно рассматривать как точное формальное и семантическое тождество лит. *dāigas, dīegas* "росток, отросток" из *d̥hoiḡā/*d̥hoiḡos, *dash* "баран" < *dh̥uos̥i-, подобно ср.-в.-нем. *getwas* "Gespenst" - к и.-е. *dh̥ues, *dh̥ēs (имеются и иные этимологии субстратного характера, ср. Russu 155).

2. Приведенным примерам мы можем противопоставить группу других случаев, где и.-е. *d̥-, *dh̥- > алб. b-.

bigē "разветвление (дерева), ветка, рогатка; пара". Meyer 36 трактует как ром. заимствование, ср. пров. *biga*, исп., порт. *viga* "Balken", что крайне сомнительно ввиду семантики алб. слова с признаком "раздвоенности". *Bigē* сопоставимо с продолжениями и.-е. *d̥ueiḡhā / *d̥ueiḡhos, производным числит. *d̥uō "два": д.-в.-н. *zweiḡ*, нем. *Zweig*, др.-англ. *twig* "ветка, сук", лит. *dveigiū̃s* "животное-двухлеток" и, возможно, слав. *d̥vigati. Обращает на себя внимание развитие значения "отрог горы" и у нем. *Zweig*, и у алб. *bigē*.

bisk "отпрыск, отросток, побег, розга, луч света, вязальная петля" (Meyer 37: < новогреч. *βίτσα* < слав.: болг., русск. *вица* "прут, хлыст, связь между двумя плотами"). Этимология Мейера фонетически неприемлема; в то же время система значений *bisk*, напоминающая филиацию значений *bigē*, позволяет предположить связь *bisk* с другим производным и.-е. *d̥uō, а именно с *d̥uisk-: д.-в.-н.

zwick, нем. *zwischen*, арм. *erkiçs* "дважды". Принятая в настоящее время точка зрения, согласно которой *-sk- > алб.-shk-, -h- подтверждается не во всех случаях; вопрос об

отражении *-sk- > алб. -sk- будет рассмотрен в другом месте.

besë "верование, религия, слово, обещание, клятва" вместе с be "клятва, присяга" соотносят с лат. fīdo "верю, доверяю", гот. baidjan "принуждать", слав. věda и т.д. (Meуer 30; E. Gabelij. — Buletin i Univ. Shtetëror të Tiranës, 1960, 4, 52). Некоторые морфологические трудности и расплывчатость семантики слова позволяют искать иные (не связанные с корневой этимологией) пути объяснения besë. Комбинаторные особенности besë (ср. vē mā be, (e) na me besë, zë besë, сочетание besë с предлогами конкретно-пространственного значения), имеющие ряд типологических параллелей (ср. рус. (как) на духу, по душам, англ. upon my soul, фр. parbleu (par Dieu) — приводят к мысли о возможной связи besë, означающего в выраженную в слове нематериальную связь двух лиц, resp. лица и божества, с и.-е. названием духовного начала *dhuēs, *dhuēs. Тогда be и besë, прямо продолжающие и.-е. *dhuēs-, *dhuēsā, образуют уникальное соответствие (вплоть до вокализма) греч. θεός "бог" (из *dhuēsos), данная этимология которого, вообще говоря несомненная, уже подвергалась ревизии как раз из-за отсутствия в др. и.-е. языках цельнолексемного соответствия. В форме be мы, возможно, имеем следы старой корневой основы.

binjak "близнец". В диалектах то же слово оформлено другими славянскими суффиксами (*-akъ, *-ašъ, *-arъ). Meуer 37: из итал. binato "близнец" (этимология фонетически неприемлема). Исходя из семантических соображений, исключается также мысль о заимствовании из лат. binī "пара" (такое развитие значения возможно в пределах одного языка, о чем ниже, но весьма маловероятно при заимствовании). С другой стороны алб. основа bin- может быть отнесена к исконному алб. фонду и включена в ряд: герм. *twīna, *twaīna (д.-в.-н. zwinā "gemellus", лат. binī, лит. dvynā "Zwillinge", к апофоническим вариантам и.-е. *dweīn-, а в конечном счете, к и.-е. *dwo̯.

Описанные факты могут быть представлены следующей таблицей

Рефлексация *d(h)u- > d-		Рефлексация *d(h)u- > b-	
Алб. лексемы	Реконструкции	Алб. лексемы	Реконструкции
derë	*dh̥ōrā	bigë	*d̥u̯eighā
dy	*d̥u̯ō	bisk	*d̥u̯iskos
degë	*d̥u̯oighā	besë	*d̥h̥uesē
	или *d̥oighā?		
dash	? *dh̥uos̥ios	binjak	*d̥uein-

В результате обнаруживается четкое дополнительное распределение рефлексов: d- - перед и.-е. лабиальным гласным, b- - перед передним и.-е. гласным. Таким образом, можно представить себе следующее развитие группы *d(h)u- в протоалб.: 1) Выпадение -u- перед губным гласным; 2) переход сохранившихся групп *d̥u- в b-. Не исключено, что последняя фаза этого процесса могла протекать под романским влиянием. Для характеристики албанского важно иметь в виду, что аналогичное развитие имело место в иранском. Типологическую параллель можно усмотреть в позиционно обусловленной делабиализации лабиовелярных в герм. и лат.

Ю.В.Откупщиков (Ленинград)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ДОГРЕЧЕСКИХ -ss- ТОПОНИМОВ И
АНТРОПОНИМОВ

1. Вопрос о происхождении -ss- образований в догреческой топонимике и антропонимике до сих пор остается открытым. Основным недостатком словообразовательных и этимологических интерпретаций, предложенных до сих пор, является атомарность подхода к -ss- топонимам и антропонимам - вне их общей словообразовательной системы, опора на случайное - подчас весьма отдаленное - созвучие имен, а также выборочность, как правило, весьма незначительного числа примеров, для которых предлагаются более или менее проблематичные этимологические истолкования.

2. Среди гетерогенных по своему происхождению -ss- образований можно выделить достаточно обширную и компактную

группу топонимов и антропонимов, принадлежность которых к единой системе проявляется в регулярных суффиксальных "чередованиях" типа $\tau\alpha\mu\alpha - \sigma\sigma - \acute{o}\varsigma$: $\tau\acute{\alpha}\mu\alpha - \rho - \acute{o}\varsigma$, $\Sigma\iota\nu\delta\eta - \sigma\sigma - \acute{o}\varsigma$: $\Sigma\iota\nu\delta\eta - \nu - \acute{o}\varsigma$, $\text{Ἰμῆρα} - \sigma\sigma - \acute{o}\varsigma$: $\text{Ἰμῆρα} - \lambda - \acute{o}\varsigma$, $\text{Μαῤῥη} - \sigma\sigma - \acute{o}\varsigma$: $\text{Μάῤῥα} - \chi - \acute{o}\varsigma$ (G.S.) и др. Каждый из этих типов насчитывает свыше 100 примеров - очень высокий процент, если учесть, хотя и большое, но все же ограниченное количество -ss- образований.

3. Особое место среди перечисленных "чередований" занимает случай с - -: -σσ-, где мы имеем дело с соотношением производящей и производной основ (*-ki- / -σσ-). Реальность модели $\text{Ἰνυκος} \rightarrow \text{*Ἰνυκῆος} > \text{Ἰνυσσός}$, $\text{Ἀρσάκῆς} \rightarrow \text{*Ἀρσάκῆα} > \text{Ἀρσησσα}$ подтверждается как наличием обычных для греческого языка прилагательных типа Ἰνυκῆος , так и фактами синонимии производящего и производного имени ($\text{Ἰνυκος} = \text{Ἰνυσσός}$, $\text{Ἀρσάκῆς} = \text{Ἀρσησσα}$).

4. Широкое распространение (более 100 примеров) модели $-\chi - \lambda - \acute{o}\varsigma > -\sigma\sigma\acute{o}\varsigma$ в топонимике и антропонимике заставляет в поисках производящей основы обратиться к сохранившейся в греческом языке апеллативной лексике. И здесь словообразовательный анализ естественно переходит в этимологический. В свое время А.Неринг предложил реконструкцию $\lambda\acute{\alpha}\rho\nu\alpha\kappa\acute{\epsilon}$ "ящик, гроб, ковчег" $\rightarrow \text{Ἰα\rho\nu\alpha\sigma\sigma\acute{o}\varsigma}$. В.Георгиев отметил случаи $\sigma\psi\acute{\eta}\kappa\acute{\epsilon}$ "оса" $\rightarrow \text{Σψηττός}$, $\pi\acute{\iota}\delta\alpha\kappa\acute{\epsilon}$ "источник" $\rightarrow \text{Πίδασσα}$, $\xi\rho\mu\alpha\kappa\acute{\epsilon}$ "скала" $\rightarrow \text{Ἐρματτός}$. Однако все это - лишь единичные примеры. На самом деле, количество подобных случаев составляет несколько десятков. Сюда можно отнести имена, образованные по той же модели от $\mu\acute{\upsilon}\rho\mu\eta\kappa\acute{\epsilon}$ "скала" (или: "муравей"), $\lambda\acute{\upsilon}\rho\mu\alpha\kappa\acute{\epsilon}$ "скала", $\mu\acute{\upsilon}\lambda\alpha\kappa\acute{\epsilon}$ "скала", $\acute{\alpha}\mu\acute{\alpha}\nu\eta\kappa\acute{\epsilon}$ (-ακῆ-) "виноградная лоза", $\kappa\acute{\alpha}\mu\alpha\kappa\acute{\epsilon}$ "камыш", $\lambda\acute{\alpha}\rho\iota\kappa\acute{\epsilon}$ "лиственница", $\mu\acute{\upsilon}\rho\iota\kappa\acute{\epsilon}$ "тамариск", $\sigma\acute{\upsilon}\alpha\kappa\acute{\epsilon}$ "вид бобов", $\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha\kappa\acute{\epsilon}$ "моллюск, раковина", $\acute{\iota}\epsilon\rho\alpha\kappa\acute{\epsilon}$ "ястреб", $\kappa\acute{\alpha}\beta\alpha\kappa\acute{\epsilon}$ "чайка", $\mu\acute{\upsilon}\alpha\kappa\acute{\epsilon}$ "мышь", $\kappa\acute{\epsilon}\rho\alpha\kappa\acute{\epsilon}$ "рог", "ответвление", $\kappa\acute{\upsilon}\lambda\iota\kappa\acute{\epsilon}$ "чаша" и др.

Таков один из важнейших источников происхождения -ss- образований в догреческой топонимике и антропонимике.

АТЛАНТИДА ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ

Читая "Тимея" и "Крития", нельзя не обратить внимание на некоторую парадоксальность связанного с Атлантидой комментария. Так в "Тимее" Атлантида упоминается довольно поверхностно, в "Критии" описывается подробно. Однако современные комментаторы именно по поводу "Крития" упоминают Прокла (In timaeum) - получается, что сейчас схолии к "Тимею" используются как схолии к "Критию". Действительно, цитируемые Проклом Лонгин, Порфирий и Ямвлих (In tim. 204, 18-29) рассматривали рассказ об Атлантиде как весьма существенный элемент "Тимея", важный для понимания всего диалога, но при этом они явно имели в виду весь рассказ об Атлантиде - то есть по преимуществу "Крития". Из вышеизложенного можно сделать вывод, что сохранившаяся часть "Крития" по своей функции есть развернутое пояснение к "Тимею", ибо история Атлантиды, являющаяся для "Тимея" частью некоей структуры, остается фактически единственным содержанием "Крития". Между тем все современные исследователи проблемы Атлантиды не учитывают "неатлантическую" часть Тимея, в результате чего целостность концепции Платона нарушается. "Тимей" - космологический трактат, в котором доказывается изоморфизм идеального государства и идеального космоса и решаются проблемы гармонического устройства вообще. Именно для этих проблем полагали неоплатоники столь значительным введение истории Атлантиды - первого государства, сначала идеального и постепенно портящегося. Для "Тимея" Атлантида может представлять ценность только как утопия. Путаница возникает из-за удвоения консервативной фикции: утопической Атлантиде противостоят столь же (и несомненно) утопические Афины. Однако такая "игра удвоением" вообще свойственна Платону. Мы полагаем, что Платон прямо указывает на чисто мифологическую природу Атлантиды, используя мотивы, достаточно хорошо опознаваемые его современниками и бывшие недвусмысленными для неоплатоников с их пристальным интересом к различным пластам мифологии. Мы имеем в виду явное сходство истории об Атлантиде с мифами о гиперборейцах

и о садах гесперид — двух весьма сходных вариантах греческого рая, иногда идентифицировавшихся (Ard. II, 5, 11). Три рая связываются с тремя мифологическими персонажами, из коих наиболее известен Аполлон Гипорборейский. В области гесперид правит Атлант, первый царь Атлантиды тоже Атлант, но главный бог ее — Посейдон. Почему-то современные комментаторы указывают, что Атлант у Платона — "другой", так как "тот" — сын Иапета и брат Прометея. Однако персонаж появляется раньше, чем его генеалогия, и Платону не было смысла использовать имя, уже использованное в сходном контексте (божественный царь первоначального рая, связанный с морем и т.д.). Здесь скорее присутствует явный намек, мифологическая цитация — основание для выявления сходства между Атлантидой и садом гесперид, сходства уже не типологического, а предметного. Известное сближение между Аполлоном и Посейдоном существовало всегда (миф о строительстве троянских стен и др.), оно подтверждается постепенным снижением индоевропейского Варуны от божества закона и порядка до морского царя (из-за разветвления функций в греческой традиции связь Аполлона с водой сравнительно слаба). Атлант — мифологический персонаж, сходный с Варуной (то есть Аполлоном и Посейдоном) благодаря своей связи с водой, титанами (ср. "Варуна — царь асуров"), мировой осью, поэзией и законом (дядя Гермеса, обучающий пению и пр.), ассоциируемый со змеями и преисподней через дев-гесперид, дочерей Эреба и Ночи (Theog. 215), и змея Ладона, сторожащего яблоки. Гомер (Od. I, 52) называет его "коварным, ведающим глубину всего моря и держащим огромные столбы, разделяющие небо и землю". И Атлантида и сады гесперид находятся на Западе, страну гиперборейцев помещают иногда на Севере, иногда — тоже на Западе. Все это заставляет предположить, что Атлантида была для Платона и неоплатоников мифологической реальностью того же плана, что и прочие варианты рая, и приобрела престиж историчности лишь впоследствии, но причины этого лежат уже в особенностях современной культуры, а значит, вне пределов нашего сообщения.

СОЧЕТАНИЕ РАЗНОДИАЛЕКТНЫХ ФОРМ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЭТИКИ
ГОМЕРОВСКОГО ЯЗЫКА

Общеизвестна многослойность греческого эпического языка, вызванная его длительным существованием во времени и территориальным перемещением центров эпического песнопения в различные части эллинского мира.

В последнее время получила подробную разработку проблема разнодиалектных стадий развития эпического языка. Сохранение форм различных диалектов объясняется либо требованиями метра, либо формульным характером эпического стиля. Между тем известны как метрическая гибкость гомеровского гекзаметра, так и обратная зависимость между художественностью текста и количеством формул. Поэтому остается актуальной проблема определения роли и целей смешения разнодиалектных форм, проблема определения поэтико-функциональной нагрузки сосуществования разнодиалектных форм в языке Гомера и хоровой лирики.

Греческий поэтический язык дает возможность выявить определенные семантические и стилистические различия у некоторых разнодиалектных форм, различия, которые, по всей вероятности, возникли именно в поэтическом языке, поскольку только здесь появилась сама возможность противопоставления диалектизмов. Так, например, слово "война" употребляется в гомеровских поэмах в двух вариантах: в большинстве случаев в ионийской форме $\rho\omicron\lambda\epsilon\mu\omicron\varsigma$, но 31 раз в эолийской форме $\rho\tau\omicron\lambda\epsilon\mu\omicron\varsigma$. Обращает на себя внимание отсутствие при последней форме эпитетов (ср., напротив, $\sigma\tau\upsilon\chi\epsilon\rho\omega\upsilon\ \rho\omicron\lambda\epsilon\mu\omicron\iota\omicron\ \Pi. \ \bar{I}Y, 240$; $\rho\omicron\lambda\epsilon\mu\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\kappa\acute{o}\varsigma\ \Pi. \ \bar{I}Y, 82$; $\delta\lambda\omicron\tau\omicron\ \rho\omicron\lambda\epsilon\mu\omicron\iota\omicron\ \Pi. \ \bar{I}I, 133$). Анализ контекста свидетельствует о наличии семантической вариантности у этих форм, так же как у $\rho\omicron\lambda\iota\varsigma$, $\rho\tau\omicron\lambda\iota\varsigma$. Дублетные падежные формы также во многих случаях оказываются противопоставленными не только метрически, но и семантически. Например, анализ значения форм $\kappa\acute{\upsilon}\nu\epsilon\sigma\sigma\iota$ и $\kappa\upsilon\sigma\acute{\iota}$ показывает, что первая форма употребляется только при обозначении псов, набрасывающихся на жертву, псов-пожирателей, в то время как форма $\kappa\upsilon\sigma\acute{\iota}$ пять раз из десяти обозначает самок, а в остальных случаях - собак, стерегущих ста-

до, находящихся при дворе и т.п. В различном контексте употреблены формы ἡελίου и ἡέλιος и др.

Особый характер наддиалектности (или, может быть, междиалектности) древнейшего поэтического языка греков есть результат не только развертывания его во времени и в пространстве, но и результат его сложного поэтического развития. Поэтическое переосмысление разнодиалектных форм явилось одним из важных средств в создании той эмоциональной напряженности эпического языка, которая препятствовала превращению этого языка во вместилище гетерохронных образований и способствовала превращению его в живой развивающийся организм.

А.А.Тахо-Годи (Москва)

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ ОБ ИМЕНИ И ПРЕДМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЯ В АРЕОПАГИТИКАХ

Трактат У1 в. н.э. "De divinis nominibus", относящийся к так называемым ареопагитским сочинениям, посвящен чрезвычайно существенной и для античности и для последующих эпох проблеме имени и предмета наименования. В этом трактате вполне ощутима твердая убежденность в исконном для античного сознания единстве предмета наименования и его имени, указывающем на онтологическое, а не формальное понимание обозначаемого и обозначающего.

Здесь вполне в духе платоновской традиции исследуется вопрос о сущности высшего Блага и делается попытка дать его полное описание, оперируя именами во всей их терминологической точности.

Автор исходит из вполне обоснованного тезиса, что "бесмысленно" (alogon) и "невежественно" (scion) принимать во внимание оболочку слова (lexis), звуки (ēchoys psilouys), буквы (stoicheia), знаки (grammai), слоги (syllabai) вопреки значению слова, той "силе" (dynamis), которая создает сущность слова, указывает его смысл (semantē), необходимый для "разумного" (poeton) понимания имени. Разные виды "начертания" (graphai) слов (logoi)

чувственным образом (*diatas aisthēseis*) выражают тот смысл, который проникает в "разумную" (*noeron*) область души. Сущность предмета, нелегко поддающаяся пониманию, может обозначаться целым рядом имен, и чем сложнее предмет, тем в большем количестве имен он нуждается. Ни одно имя не может охватить целиком "значимую силу" (*dynamis*) предмета, которая проявляет себя только частично в тех или иных именах.

Сущность вещей эманурует в ее именах, которые есть не что иное, как "выступления" (*prodoys*) сущности, обладающие всей полнотой скрытой в предмете силы, не убывающей и не дробящейся во множестве имен, но являющейся отпечатком (*estpazeion, estypōma*) или печатью (*sphragis*) самой субстанции. Здесь, с одной стороны, вполне очевидна терминология в платоновском духе ("Тимей"), а с другой стороны заметно противопоставление и Платону и неоплатоникам, для которых эманация по мере истечения из идеи все более и более теряет свою силу и никогда не может адекватно выразить эту идею. Познание сущности высшего Блага формируется из бесчисленного множества имен-эманаций. Это высшее Благо, или что то же, неоплатоническое Единое, не поддается ни чувственному ощущению (*aisthēsis*), ни воображению (*phantasia*), ни осязанию (*epaphē*), но оно не поддается и размышлению (*doxa*), познанию (*epistēmē*), рассуждению (*dianoia*), мышлению (*noēsis*), т.к. оно выше "ума" (*noys*) и "естества" (*ousia*). Именно поэтому высшее Благо или остается невысказанным или требует для своей дефиниции бесконечных номинаций. Высшему Благу свойственно "наименование", но оно вместе с тем "не именуется" (*oute legetai*) и не сказуется (*oute opozadzetai*). Оно "сверхименуемо" (*hyperōnupton*), "многоименуемо" (*es pantos onomatos*) и "безымянно" (*anōnupton*). Вот почему для понимания высшего Блага прибегают к символам, вполне чувственным образам, которые по выражению автора в чисто античном духе "ваяются" или "вылепливаются" (*periplattoysi*).

Принципы, из которых исходит автор трактата, дают возможность сделать выводы, необходимые для изучения и описания всякого предмета наименования. Требование полноты наиме-

нования приводит к поискам в сфере лексики, синонимии, антонимов, эпитетов, интерпретаций, дополнительных значений и уточнений, т.е. к тому, чем в изобилии пользуется автор трактата.

Здесь ставится вопрос об углубленном понимании контекста, что связано с этимологическими поисками (например, "солнце", "красота"), позволяющим переосмыслить старое слово в новом, христианском духе (например, предпочитается "эрос", а не "агапэ").

Невозможность исчерпывающе выразить предмет наименования в точных терминах приводит к обогащению поэтического языка (ср. символы, метафоры, сравнения в самом трактате) и к попытке эстетического познания предмета при явной недостаточности его научного познания.

Целостное понимание предмета наименования переносится автором на весь мир, в котором, как в едином организме, все служит целям конечной гармонии. Вопреки неоплатонической традиции материя (*hylē*) здесь не мыслится злом. Она необходима для полноты мировой жизни, участвуя в ее "порядке" (*cosmos*), "красоте" (*callos*) и "благовидности" (*eidōs*).

В заключение можно сказать, что христианский автор раннего средневековья использует в своем сочинении стиль античного энкомия (ср. лексику "похвалы", "воспевания", "прославления" в данном трактате), его метод исследования целостного предмета наименования с помощью множественности имен все еще продолжает традицию орфических гимнов и гимнографии вообще, правда, в новом общественном, интеллектуальном и духовном контексте, а ряд мыслей об имени и предмете наименования, оформленных научно-логически вне всякого символично-мифологического сознания, могут быть полезны и современной науке о слове.

В.Н.Топоров (Москва)

ДР.-ГРЕЧ. *σοφία*: ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА И ЕГО
ВНУТРЕННИЙ СМЫСЛ

Как известно, этимология этого слова остается совершенно неясной, и ни одно из существующих объяснений не

внушает доверия или хотя бы надежд на будущее. Это положение составляет резкий контраст с прозрачностью (актуальной или научно-лингвистической) языкового выражения понятия "мудрость" в других традициях (лат. sapientia: sapio "быть рассудительным", "иметь вкус", sapor "вкус" и т.д. - к и.-евр. *sap- "пробовать на вкус", "вкушать"; слав. шод-rostь, к и.-евр. *šep-, обозначающему особый вид ментального возбуждения, ср. *šēnitī - "думать", "помнить"; нем. Weisheit : wissen - "знать" и т.п.). Уже в V в. до н.э. слово было непрозрачно для самих греков, что и подтверждается как ни на что не претендующими объяснениями *ad hoc* (σοφὸν τὸ σαφές 'мудрое - ясно'; Еврип.), так и тавтологиями, за которыми нетрудно увидеть отказ не только от лингвистических, но и от элементарных содержательных объяснений ("А мудрецы, я думаю, мудры благодаря мудрости?" - Сократ в "Теэтете", 145 d; ср. еще у Платона: μέγιστον τὴν κατ' ἀνθρώπων σοφίαν σοφοί, ο мудрых сверхчеловеческой мудростью (с иронией)). Сама история развития значений слова φ. в др.-греч. языке и соответствующего понятия в античном умозрении (и далее - в христианской теологии и философии) хороша известна, ср. хотя бы работу Б.Снелля 1924 и т.п. Из нее можно сделать вывод, также известный и бесспорный, что значению "мудрость", "философское знание" и т.п. предшествовало употребление слова σοφία в таких контекстах, где им обозначалось некое умение, мастерство, сметка в т е х н и ч е с к о м плане (ср. в ряде случаев почти синонимическое отношение с τέχνη; здесь можно напомнить и о наученном Афиной плотнике (τέκτων), ὅς ρά τε πάσης|εὖ εἰδῆ σοφίης ... О 411-412, и о σοφία сапожника, горшечника, кирпичника (Plat. Theaet. 146d-147c), и о φ. Мнемосины и избранного ею поэта (ср. σοφὸς ἀνὴρ, σοφιστής, о поэте, а также книгу J. Duchemin о Пиндаре в связи с темой поэзии как φ.). Уже этот первоначальный семантический потенциал слова σοφία ориентирует нас не на интеллигибельные (как можно было бы думать, судя по аристот. определению: ἡ σοφία περὶ τινος αἰτίας καὶ ἀρχάς ἐστὶν ἐπιστήμη) или на связанные с чувственными движениями мотивировки внутренней формы этого слова, а скорее на указание т е х н и ч е с к о й

процедуры, лежащей в основе процесса приобретения, достижения, усвоения σ . Разумеется, этот предварительный вывод никак не предрешает структуры содержания этого слова. Более того, уже достаточно рано обнаруживается, что слово σ . у себя дома именно тогда, когда речь идет о выходе за пределы простой целесообразности в сферу смысловой полноты, преодоления автоматических импликаций, истины и творчества. Уже Гераклит устанавливает границу между Ζρητή (с φρονεῖν) и $\text{σοφία (с ἀληθεία λέγειν καὶ ποιεῖν κατὰ φύσιν ἐπαίοντα)}$ Diels. Vorsocr.⁴ 12 В 112), а Филолай различает σ . и практическую "добродетель" (32 A16). Собственно, и Сократ, относив название мудреца к богу (... θεῶ μόνῳ πρότερον . Pavidr. 2780), отсылает нас к той же линии развития, особенно если принять во внимание его анализ знания и мудрости в "Теэтете" (ср. 145e и далее). Следует подчеркнуть, что исконная внутренняя форма слова σ ., соотношение глубинных смыслов, составляющих, точнее, порождающих значение слова, актуализируется в условиях, когда понятие σ . и софийности вводится в новый для этих понятий онтологический контекст. Таких творческих эпох для этого понятия было две - Платон и неоплатонизм и православная софиология. Здесь достаточно сослаться на понимание σ . в первой из этих традиций. Речь идет об имманентности σ . бытию, о ее рефлексивности, обращенности на самое себя, проявляющейся в способности, только ей свойственной, мыслить самое себя. Точнее всего, эту особенность σ . сформулировал Прокл, указывая, что истинная софия есть знание самой себя, и софия самой себя, направленная на самое себя и самой себе придающая совершенство (... $\text{καὶ ἡ ὄντως σοφία καὶ ἡ γνῶσις, ἐκείτης οὐσα καὶ πρὸς ἐαυτὴν ἐστραμμένη καὶ ἐκείτην τελειοῦσα}$. Procli Schol. in Crat. prooem. XVI). Впрочем, и Платон, устами Сократа, подчеркивает, что значение есть о б о - с о б л е н и е, выделение из среды остального (по сути дела имплицитное самозамыкание на том, что отличает). Знание - есть всегда узнавание отличительного признака; объяснить - значит найти знак для отличения от остального и т.п. (Theaet, 208c-d, 209 d, 210 a и др.). Не случайно, что з н а н и е, процесс овладения им, соотносится с р о ж д е н и е м (ср. лат. in-genium: gigno)

и обретением формы знания - з н а к а (все эти слова восходят к одному и.-евр. корню *E'ep-), ср. рассуждение Сократа о родах и "майевтике" именно в связи с темой з н а н и я (Theaet., Conviv.). Параллельно этому выстраивается другой ряд: м у д р о с т ь - у с в о е н и е = о б о с о б л е н и е - с и м в о л (как знак высшей смысловой наполненности, творческого смыслостроительства). Второй член этого ряда как раз и обозначает то обособление и обращение на самое себя, о котором говорилось выше и которое противопоставляет з н а н и е , могущее быть статичным (результат, ср. перфектн. οἶδα , отсылающее нас к сфере эйдетического) и экстенсивным, м у д р о с т и , которая всегда интензивна, самоуглубленна и находится в процессе становления. Этот второй член, связывающий σ. с символообразующей деятельностью, и есть, по нашему мнению, разгадка этимологии слова. Таким образом, σ. восходит к энантио-семическому и.-евр. *s(u)obh- (*suobh-iā), которое, с одной стороны, ориентирует на понятие обособления, выделенности, индивидуальности, самости (см. примеры: Pok. I, 382-383, в частности, лат. sē, se- в значении отделения и т.п.), а с другой - указывает на включенность в некую общность (ср. др.-инд. sabhā 'собрание', готск. sibja, нем. Sippe, племенные обозначения типа лат. Sabīnī, др.-в.-нем. Swābā, слав. *svoboda и т.п.), ср. анализ этих случаев у Бенвениста. Весьма характерен сам механизм семантического структурирования и.-евр. *suobh-, основанный на циклическом повторении блока "обособление ⊂ общность" с последовательным углублением (так что первая общность вмещает в себя вторую, вторая - третью и т.д.). Эта модель почти иконически отражает последовательность смыслового наполнения, углубления мысли в самое себя, что и составляет суть понятия σ. с точки зрения содержания, тогда как с точки зрения техники его суть в операции обособления. И каждое обособление, выделение, различие через распознавание и узнавание влечет новое углубление смысла (ср. δια- κρίνω "разделять" - "различать" - "решать", "определять"; δια- κρίσις в частности, διακρίσις σημείων или лат. dis-cerno со сходным кругом значений и др.). И.-евр. слова того же корня, что и σ. , могут проиллюстрировать разные этапы

развития этого слова (ср. слав. *o-sobiti, *ob-osobiti с идеей выделения, русск. с-по-собный как обладающий умением - σοφία, усобить "понять", "усвоить", усобистый "понятливый", "умный", сюда же - генетически связанные усвоить, освоить, усвойчивый, ср. σοφός и др.; таких примеров немало, и иногда они вскрывают интересные параллели, напр. Σοφο-κλής - Sobě-slavъ и др.). Более того, сходные этапы отражены в самом греч. языке семей слов, родственных с разобранными, ср. ἴδιος и т.п. - вплоть до ἴδιον "личный взгляд", "своеобразие", "характерная особенность" (и в сфере мысли); из и.-евр. *sue-d- (ср. ἕτης < *sue-t-, ἕδος < *sue-dh- и др.). Примеры этого рода составляют соединительное звено между σοφία и Prop. rosv. и под. типа ἔ (памф. φηε < *sue), гомер. ἔέ, ὅς дорич. φός, гомер. ἔός < *sueos) и особенно Prop. refl. σφέ, σφίν и т.п. (ср. rosv. σφός и т.д.). Связь σοφία : σφ- особенно существенна и может объяснить многие детали, между прочим, и сохранение начального σ- перед гласным в σοφία. Впрочем, этому σ- не приходится особенно удивляться, ср. στήγῃ при нем. schweigen (*suiġ-).

Вероятно, можно показать, как семантическая структура слова не только определила некоторые важные черты идеи софийности, но и способствовала - в более поздней софиологии - выработке имманентных посредствующих образов как средства уравнивания возрастающей трансцендентности основного начала (ср. идеи Флоренского о роли софийности и троичности в истории русской культуры).

О.Н.Трубачев (Москва)

RASPARAGANUS REX ROXOLANORUM

Это имя фигурирует в двух латинских надписях*: *Publico Aelio Rasparagano regi Roxolanorum vivus vivo fecit*

* Тома У-го СИЛ не оказалось в доступных библиотеках СССР, и эта заметка не была бы написана без помощи зарубежных коллег, приславших мне необходимые справки и копии: проф. Й.Займов и проф. Б.Геров (София) и проф. Ф.В.Мареш (Вена).

(Corpus inscriptionum latinarum, vol.V, pars prior, ed. Th. Mommsen. Berolini, MDCCCLXXII, N 32, p. 10); Publius Aelius Peregrinus, regis Sarmatarum Rasparagani filius, vivus fecit sibi et Attiae Quinti filiae Procillae, libertis libertabusque posterisque eorum (Там же, № 33). Речь идет о надгробиях, найденных в городе Пола, в римской провинции Истрии, и датированных первой четвертью II в. н.э., временем императора Адриана. Увековеченный этими надписями, роксоланский царь Распараган в силу каких-то обстоятельств, очевидно, принял римское гражданство и поселился с семьей на римской территории (С.Patsch. Der Kampf um den Donaauraum unter Domitian und Trajan. -"SBWA, Philos.-hist. Kl.", Bd. 217, 1, 1937, S. 162).

Роксоланы, тревожившие римские границы, начиная с I в. н.э., упоминаются рядом с сарматами и принадлежат, как и эти последние, к иранским племенам. В этих условиях закономерно было ожидать иранской этимологии имени Rasparaganus, и такая этимология была предложена, см. В.И.Абаев, ОЯФ I, с. 182: от ир. *gra-sra-ga-ka-na-, префиксально-суффиксального образования от корня srag- "наступать", ср. ос. ra-fsrag "тот, кто наступает". Эта правдоподобная этимология оперирует гипотетическими утратами и нарашениями и поэтому не исключает поисков иного объяснения.

Начнем с того, что имя Rasparaganus оба раза как бы дублируется латинским титулом rex "царь", что позволяет нам, по известным типологическим аналогиям, предположить, что имя царя-варвара тоже включает титул. Короче говоря, мы принимаем членение Ras-paraganus и в словосочетании Ra-s-paraganus rex усматриваем глоссу ("царь"="царь"). По-ирански, в т.ч. по-скифски и по-сарматски царь обозначался производным от глагола xšau- 'властвовать', ср. Ἀπρόξαις, Ἀρτόξαις, Κολλάξαις в скифском рассказе Геродота сарматского племени Σαῖοι близ Ольвии. То, что зафиксировано в латинской надписи как Ras- может отражать лишь индоарийское *gāj-, ср. др.-инд. gāj- "царь", не получившее терминологического соответствия в иранском. Сходным образом греки восприняли фракийский апеллатив gēzas/gēzas "царь" (продолжение и.-е. *gēg-) как личное имя Ρῆσος (Илиада).

Собственно именем роксоланского вождя оказывается *Paragan- или *Paragana (оставшееся после отделения титула), которое мы рассматриваем на сложение со вторым компонентом -ghana-/-hana-: *para-g(h)ana- "врагов убивающий". О др.-инд. сложениях с этим компонентом см. J. Wackernagel, *Altindische Grammatik* II, 2 (Göttingen, 1954), S. 4 и сл., ср. ari-han- "убивающий врагов". В имени *Paragan- в роли термина "враг" выступает не основа ari-, неудобная своей двусмысленностью (ср. P. Thieme, *Der Fremdling im Rgveda. - "Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes" XXIII, 2. Leipzig, 1938, passim*), а др.-инд. para- "чужой, враг", ср. однотипные сложения др.-инд. paraṁ-tara- "истязавший врага", также имя государя Магадхи, parapuraṁ-jaya- "покоряющий город врага", также имя князя, para-bhṣana- "пронзающий врага" (O. Böhtlingk, *Sanskrit-Wörterbuch* 4. St. Petersburg, 1883, S. 30).

Иранский не обнаруживает para- в знач. "враг", и ир. эквивалент др.-инд. -han-/-ghan- имеет вид -jan-, т.е. ожидалось бы -zapuc в лат. записи. Роксоланы обитали какое-то время в районе, отчасти совпадающем с "Древней Скифией" Геродота (I, 99: Ἐρυθραία Σκυθία) и Синдской Скифией Плиния - в низовьях Ю. Буга и Днестра, где продолжают выявляться следы неиранского, индоарийского населения. В этих условиях возможно было появление индоар. *raġ- para-g(h)ana- 'царь Врагов-убивающий' - как обозначения одного предводителя иранцев-роксоланов.

А. В. Урушадзе (Тбилиси)

ВОПРОСЫ ГРЕЧЕСКО-ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ

1. Корни греческо-иберийско-кавказских языковых взаимоотношений уходят в глубь веков.

Наличие эгейско-греческих элементов в иберийско-кавказских языках представляет особый интерес для истории этих языков. В этой связи интерес возрастает с выявлением многообразия путей и временного диапазона проникновения обозначенных элементов.

2. Особое внимание привлекают выявленные языковые параллели между эгейско-греческим и иберийско-кавказскими языками. Они отражены как в лексике (1), так и в типологическом сходстве некоторых морфологических явлений (2). Ср. (1): греч. $\mu\acute{\alpha}\lambda\upsilon$ - картвельск. mol-i; греч. $\phi\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ - груз., колх. $\chi\upsilon\nu\omicron$ || $\chi\upsilon\nu\iota$, -сван. $\chi\upsilon\nu\iota\acute{\alpha}l$, - уд. $\phi\acute{i}$ < $\phi\acute{i}n$; греч. $\lambda\acute{\upsilon}\rho\acute{o}\varsigma$ - груз. $\rho\acute{a}r$ -i, - колх. $\rho\acute{o}\varsigma$ -ol-a, - сван. $\rho\acute{a}\check{r}$; греч. $\chi\rho\acute{\upsilon}\tau\eta$ - груз. $k\acute{e}r$ -i, - груз., колх. $k\acute{r}t$ -il-i; греч. $[\beta]\rho\acute{o}\beta\omicron\nu$ - картвельск. $v\acute{a}r$ -i; греч. $\acute{\alpha}\sigma\chi\upsilon\rho\omicron\nu$ - груз. $a\check{s}k$ -il-i; греч. $\kappa\acute{\epsilon}\nu\chi\rho\omicron\varsigma$ - груз. $k\acute{e}k\check{r}\acute{a}$; греч. $\lambda\acute{\iota}\tau\upsilon\varsigma$ - груз. $\rho\acute{i}\check{c}v$ -i; греч. $\acute{\alpha}\sigma\phi\acute{o}\beta\epsilon\lambda\omicron\varsigma$ - груз. $a\check{s}p\acute{o}t\acute{e}l\acute{a}$; греч. $\chi\rho\upsilon\acute{o}\varsigma$, $\delta\chi\rho\acute{o}\varsigma$ - картвельск. $ok\acute{r}o$ || $ok\acute{r}o$; греч. $\sigma\acute{\iota}\delta\eta\rho\omicron\varsigma$ - уд. $zido$ < * $zidon$; греч. $\chi\acute{\alpha}\lambda\upsilon\psi$ - картвельск. $\chi\acute{a}l\acute{i}b$ -i; греч. $\acute{\alpha}\rho\chi\upsilon\rho\omicron\varsigma$ - груз. $v\acute{e}(r)$ $s\chi$ l-i, - колх. сван. $v\acute{a}r\check{s}\chi$ -il-, авар. $\omega\acute{a}r\acute{a}\varsigma$, -лак. $a\check{r}su$, - абх. $a\check{r}az\acute{a}n$; греч. $\chi\acute{o}\tilde{\iota}\rho\omicron\varsigma$ - груз. $\chi\acute{o}r$ -i; - колх. $\chi\acute{e}\check{z}$ -i; греч. $\xi\upsilon\chi\acute{o}\nu$ - груз. $\chi\acute{u}el$ -i, - колх. $\chi\acute{u}$, - сван. $\check{u}va$... Ср. (2): 1. Эгейские суффиксы принадлежности, часто встречающиеся в древнейшей топонимике: $-(\sigma)$ -, $-v\acute{\alpha}$ -, $-u\acute{\alpha}$ -; 2. Образование основ презенса с помощью суффиксации; 3. Греческий медиум и субъектная версия картвельских глаголов и др.

Т.В.Цивьян (Москва)

$\chi\acute{A}$ - $\acute{\iota}\delta$ - < * η - $\mu\acute{i}d$ - И РЕФЛЕКСЫ ЭТОГО ОБРАЗА
НА БАЛКАНАХ

Проницательный анализ П.Тиме, установившего связь др.-гр. $\acute{\alpha}\text{-}\acute{\iota}\delta$ - = $\acute{\alpha}\text{-}\acute{\iota}\delta$ - с и.-е. * η - $\mu\acute{i}d$ - "nicht sehend, nicht sieht bar", позволяет сделать некоторые выводы общесемантического характера, касающиеся представлений о структуре мира, перешедших из древнегреческой в общевосточную традицию. Отсутствие в и.-е. * η - $\mu\acute{i}d$ - залогового противопоставления приводит к возможности описывать др.-греч. Аид - нижнее царство (нижний мир), царство мертвых, бог нижнего мира, двумя различительными признаками: не видящий, т.е. слепой, и невидимый, имеющий, в свою очередь, два смысла: 1) недоступный видению представителей иного, верхнего мира; 2) не имеющий вида, формы, "безвидный", соответствующий хаосу (ср. библ. "и земля была безвидна"). Значения

не видящий и невидимый (1) подчеркивают границу между верхним и нижним миром, их обособленность и сокровенность друг от друга (о слепоте представителей царства мертвых, видящих живых лишь в определенные моменты и при определенных условиях, при том, что это временное видение чревато гибелью для живых см. у Пропиа и т.д., а в последнее время - в работах Вяч. Вс. Иванова о категории видимого/невидимого в связи с гоголевским Вием; ср. также данные балканских фольклорных традиций: алб. *bullar* "дракон", получающий зрение и вместе с ним способность к истреблению людей один раз в году; рум. *balaur* "дракон", происходящий от обычной змеи, невидимой человеком и невидящей его в течение определенного времени и т.п.). Невидимый (2), т.е. лишенный пластики, формы (ср. значимость этих категорий в др.-греч. традиции) символизирует оппозицию хаоса и космоса.

Поскольку слепота представителей нижнего мира чередуется со сверхъестественным (особенно острым и под.) зрением, приносящим гибель, постольку и этот признак отражается на лингвистическом уровне в номинации соответствующих персонажей. См. прежде всего др.-греч. *βράχων*, обладающий мечущим молнии, испепеляющим взглядом, в связи с *βέρκομας* "смотреть", с широким кругом значений (см. хотя бы Гомер. о взгляде Горгоны: *βελύδω βέρκομέην*; NB медиальность *βέρκομας*, что можно также трактовать как амбивалентность значения, связанного со зрением - "смотреть", "видеть" и "быть видимым"). См. к этому албанский мифологический персонаж *Syqeneza* (при *sy* "глаз"), четырехглазая старуха, изофункциональная нашей (слепой!) Бабе Яге и др.

Другой круг значений, связанных со слепотой/зрением группируется в поле др.-греч. *οἴβα* "узнал", "увидел" и может быть описан как противопоставление внутреннего зрения-знания, творчества и внешнего зрения-незнания, не-творчества (инвертированность слепоты; среди многочисленных примеров др.-греч. мифопоэтической традиции - слепой *πρωιδεϋς*, слепой певец и т.д. - см. крайнее выражение этой оппозиции в "Царе Эдипе" Софокла, где получение знания-внутреннего зрения имплицитно означает ослепление, уничтожение внешнего зрения как помехи внутреннему; см. также

недавно исследованный В.Н.Топоровым мотив о связи слепоты - Муз/мышей и многочисленные подтверждения этого в балканских фольклорных традициях).

В.Ф.Шелов-Коведяев (Москва)

ГЕТСКИЕ ГОРОДИЩА ПРИДНЕСТРОВЬЯ (Pt ol. Geogr. III, 5, 15)

В последнее время все чаще поднимается вопрос о необходимости пересмотра существующих переводов древних авторов. В полной мере эта проблема встает при использовании сведений, собранных в "Географии" Клавдия Птолемея. В отечественной науке уже давно стало традицией обращаться к труду древнего географа, когда речь заходит о позднем периоде античной истории Северного Причерноморья. Однако, как правило, исследователи не только не подвергают критическому анализу существующие издания "Географии", используя разночтения в рукописях, но пользуются переводом, выполненным еще в начале нынешнего столетия. В этой связи интересно отметить, что еще в 1924 г. O.Guntz указывал на досадный факт отсутствия критического издания текстов Птолемея, которое отвечало бы всем требованиям современной науки. При этом, за исключением давних работ Брауна и Кулаковского, выводы которых принимаются на веру, в нашей стране сочинение античного географа не было положено в основу специального исследования. Все это заставляет вновь обратиться к греческому тексту оригинала, что открывает, как кажется, большие перспективы перед исследователем.

Птолемей упоминает четыре гетских города в районе реки Тирас: ὑπὲρ δὲ τὸν Τύραν ποταμὸν πρὸς τῇ Δακίᾳ Μαγώνιου, Κληπίδαυα, Οὐβαντακούριον, Ἰνραχτον.

Перевод этого отрывка следующий: "Выше реки Тира около Дакии..." Браун и Кулаковский вслед за издателем текста К.Мюллером и переводчиком В.В.Латышевым помещают названные города на северном берегу реки. Между тем, археологическими разведками последних лет, проводящимися под руководством М.А.Романовской, выяснено, что на северном берегу городищ нет вовсе, тогда как южнее течения Днестра их обнаружено

несколько, одно из которых систематически раскапывается. Возникшее противоречие легче всего могло бы быть объяснено плохой осведомленностью нашего автора, чему уже есть печальный опыт (см., напр. Schwarz). Мне представляется более целесообразным внимательнее отнестись к тексту подлинника. О большой точности географа говорят как ряд новых исследований (O.Guntz, E.Honigsmann), так и то, что городища, о которых идет речь, действительно находятся на тех широтах, где их поместил Птолемей.

Предлог $\Sigma\pi\epsilon\rho$ с асс. значит не только "выше", но и "за, по другую сторону". Πρὸς с дательным падежом имеет значение "к, в сторону к". Окончательный перевод отрывка: "За рекой Тирас к (в сторону к) Дакии".

В пользу такого перевода говорят следующие факты:

- 1) Описание Европейской Сарматии строится по следующему типу: -границы-внутренняя часть страны-границы; $-N-\pi-S-O$ в первой половине описания, $W-N-O-S$ во второй его половине. Если обратиться к рассматриваемым городам, то их упоминание в конце главы, посвященной Европейской Сарматии оправдано тем, что они расположены на реке, отделяющей Сарматия от Дакии, на южной границе страны.
- 2) Упоминание гетских городов в главе о Сарматии объясняется тем, что римская провинция Дакия не простиралась до берегов Днестра.
- 3) Анализ разночтений в рукописях показал, что лучшие из них помещают города под $48^{\circ}20'$, то есть южном берегу реки Тира. К. Мюллер выбрал худшее чтение, исходя из неправильного понимания предлога $\Sigma\pi\epsilon\rho$.
- 4) Все упомянутые города носят фракийские названия (Мэтоний, Клепадава и т.д.) Гето-фракийский характер поселений подтверждается и археологическим материалом. Одновременно мы не располагаем достоверно фракийскими топонимами севернее Днестра.

Предлагаемый перевод не только помогает отождествить открытые в процессе археологических раскопок городища, с городами, упоминаемыми Птолемеем, но и наметить целый ряд проблем, связанных с организацией материала главы о Европейской Сарматии.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКО-КАВКАЗСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
(мотив погони за похитителем огня)

1. Известный южнославянский сюжет: Иоанн-Креститель хочет похитить у царя Дуклияна корону-солнце. Он обманом завлекает Дуклияна в море и замораживает двенадцатью слоями льда. Дуклиян кладет на голову огромный камень и пробивает лед, гонится за Иоанном, улетающим с солнцем на небо, успевает схватить его за ногу и вырвать из ступни кусок мяса.

2. Хеттско-хурритский сюжет: Восставший бог Кумарби сражается с небесным богом Ану. Ану бежит от Кумарби, как птица взлетая на небо. Кумарби, его настигая, схватил его за ноги крепко. Он укусил его в ногу, откусил и проглотил его силу мужскую. Победенный Ану говорит, что теперь Кумарби чреват богом Грозы, рекою Тигром и богом Тасмису. "Тебе остается разбиться, ударься теперь о горы, о скалы, о камни".

3. Другой хеттско-хурритский сюжет: Кумарби летит к Холодному озеру и сочетается со Скалой. Из Скалы рождается сын Уликумми, который слеп и имеет каменный череп (ср. камень на голове Дуклияна). Его прячут в Темной Земле, Уликумми растет на страх небесным богам, свергшим Кумарби.

4. Древнегреческие параллели: Свержение и осклопление Урана Кроном (ср. первый хеттско-хурритский сюжет). Крону предсказано, что его свергнут собственные дети (ср. проклятие Ану). Крон заглатывает своих детей (ср. Кумарби). Рея прячет младшего сына Зевса в пещеру (ср. скрывание каменного чудовища Уликумми в Темной Земле), а Крону дает проглотить вместо сына камень (ср. каменную голову Дуклияна). Победенный Зевсом Крон извергает обратно детей - богов и камень, который упал в Дельфах (Пуп Земли).

5. Кавказские (нартовские) параллели: а) Осетинский вариант: Нарт Урызмаг ночует в пещере и сочетается во сне со Скалой; на девятый месяц скала раскалывается, из нее выпадает огненный ребенок Сослан, которого бросают в озеро (ср. чудесное рождение Уликумми). Кабардиночеркесский вариант: Сатаней-гуаша приносит с реки камень и кладет в печь; через 11 месяцев камень кипит, кузнец Тлепш его распиливает и

вынимает за голени (бедр) пылающего ребенка Сосруко, закаляет его (бедрa или голени остались незакаленными); мальчик растет, питаясь кремнем (ср. каменную природу Уликумми, Дуклияна).

б) Осетинский вариант: Созырко состязается с горным великаном Карадзау, среди испытаний - бросание на голову великана огромных камней с горы (ср. каменную голову Дуклияна), вмораживание в озеро (ср. 12 льдин Иоанна); хитростью заморозив Карадзау, Созырко его обезглавливает. Кабардино-черкесский вариант: Великан Иныж живет в горах, он спит, свернувшись кольцом вокруг огня: Сосруко похищает горящую головню и убегает; великан (слепой?) шарит длинными руками (ср. слепоту прячущегося в горах Уликумми) и находит в 7 днях пути Сосруко, вступает с ним в игры-состязания; Сосруко заманивает великана в море и вмораживает, потом обезглавливает. в) Осетинский вариант: Сослан-Созырко сражается с огненным колесом (солнцем?), которое прокатывается по его незакаленным коленям и смертельно ранит (ср. ранение Ану, Иоанна). Кабардино-черкесский вариант: Иныжи играют с Сосруко, пускают в него с горы стальное колесо джан-шерх; он смог отбить колесо головой, грудью, но когда принял джан-шерх незакаленными бедрами, оно отрезало ему ноги (ср. пята Ахиллеса).

6. Приведенные схождения говорят о первоначальном общем мифологическом источнике (в северо-восточном Средиземноморье).

А.В.Широкова (Москва)

ТРАНСИРРЕНСКИЕ И ТРАНСАДРИАТИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ

I. Романисты, исследовавшие проблему народной латыни, вводили происхождение романских языков к той латыни, которую принесли римские колонисты в провинции: в Галлию, Испанию, Дакию, Рецию, Далмацию. Именно такая народная латынь провинций, пропитанная местными элементами, рассматривалась как полидиалектальная.

II. Сравнительно-исторический материал романских языков и древне-латинские надписи, а также диалектный материал итальянского языка позволяют реконструировать народнолатинские диалектные различия на территории метрополии Италии.

III. Разработанная для этого методика сводится к следующему: 1) На основе сравнительно-исторических данных романских языков отобран ряд процессов в вокализме и консонантизме поздней латыни, которые имели наиболее важное значение в перестройке фонетической системы народной латыни Италии и прилегающих областей в романские языки. 2) Относительная хронология указанных процессов дает возможность установить, что одни народнолатинские процессы, названные нами протороманскими, нашли развитие во всех романских языках, т.е. развились повсеместно и дали одинаковые результаты, другие - носили диалектный характер. 3) Анализируя материал современных диалектов итальянского языка и сопоставив его с материалом латинских надписей древней Италии и прилегающих провинций: Реции, Далмации, Сардинии, Корсики и Сицилии, по чертам вокализма и консонантизма были выделены тринадцать древних народнолатинских диалектов (девять - на территории метрополии Италии и четыре - на периферии римских провинций), объединявшиеся в три большие территориальные диалектальные зоны (северо-италийскую, центрально- и южно-италийскую).

IV. Наиболее расчлененной оказывается южно-италийская зона. Здесь реконструируются четыре диалектные разновидности народной латыни: 1) сардинская и южно-луканская, 2) сицилийская и южно-кампиданская, 3) северо-луканская, 4) восточно-луканская (и румынская). Именно южная Италия явилась центром древней иррадиации диалектного членения. Повидимому, носители северных и центрально-италийских диалектов, двигаясь с севера вдоль *via Fopilia* и *via Appia* и с юга (из Сицилии), вытеснили транстирренским и трансадриатическим путями господствовавшие здесь архаические диалектные типы. Архаический "сардинский" тип в южной Лукании, как бы обращенный на запад (за Тирренское море, на Сардинию), первоначально занимал, видимо, широкую территорию, и сходство южно-луканского и центрально-сардинского диалектов не может не говорить об их общем происхождении. Другой диалектный тип "интерадриатический" (в восточной Лукании) был повернут на восток (и первоначально эти говоры доходили, видимо, до Адриатического моря). Носители этого древнего диалекта были вытеснены на Балканский полуостров. Наши изыскания недавно подтвердились исследованием диалектного членения южной Италии Р. Бигалке

(R. Bigalke. Beiträge zur Kenntnis der Mundarten Mittel-Lukaniens, Münster, 1976).

У. Балканская латынь в целом не имела значительных диалектных расхождений. Восточно-дуканский диалект, родственный балканороманскому древних областей Мезии и Дакии, отражен современными балканороманскими языками и диалектами: румынским, молдавским, истрорумынским, арумынским с фаршеротским, мегленорумынским, а также латинскими заимствованиями в албанском.

Ю. Шичалин (Москва)

К ИСТОРИИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ТЕРМИНА ὑπόστασις

Из общих изложений философии Плотина известно, что центральной ее частью является учение о трех начальных субстанциях, или ипостасях: едином, уме, душе. Автор специального исследования слова ὑπόστασις Х. Дерри (1955), установивший, что основное значение данного слова в позднем платонизме — "осуществление" и заметивший, что единое как начало всего не может быть в собственном смысле "ипостасью", все же традиционно заключает, что у Плотина мыслимы только три "совершенные ипостаси": единое, ум, душа. Заглавие трактата Плотина VI Περὶ τῶν τριῶν ἀρχικῶν ὑποστάσεων Х. Дерри переводит так: Von den drei ἀρχή - artigen grundlegenden Manifestationen des Seins.

Даже если иметь в виду, что слово ипостась у Плотина не является в строгом смысле термином, странным представляется отнесение этого слова к единому. Плотин прямо утверждает, что единое — до всякого осуществления (πρὸ ὑποστάσεως VI 8, 10, 37 Henry-Schwyzler; ср. Procl. Elem. Theol. 20; 40 Dodds); выражение πρῶτη ὑπόστασις Плотин явно связывает со сферой ума (VI 6, 10, 29-30; VI 8, 15, 28-29). Но если Плотин сознательно отграничивает сферу осуществления единого от самого единого, тогда в названии трактата не может идти речь об едином как ипостаси наряду с умом и душой.

Очевидно, говоря о "трех осуществлениях первоначала, — так можно перевести заглавие VI, — Плотин имеет в виду

ум, душу и "тело космоса". Если о третьей ипостаси, о космосе, Плотин говорит в \bar{V} меньше, чем об уме и душе, - хотя трактат начинается именно с описания того, как душа уделила космосу жизнь и бессмертие (\bar{V} , 2, 21-22), - то это только потому, что "совершенная ипостасность", или божественность космоса в платоновской традиции не подвергалась сомнению (ср. Plat.Tim. 92c). Поэтому, резюмируя свое учение о трех ипостасях, Плотин делает акцент на проблемах ума и души как независимых осуществлений первоначала, друг на друга не сводимых, так как этот вопрос в традиции предшествующего Плотину Среднего платонизма отнюдь не получил однозначного толкования (ср. Аттик, Нумений): ... ὥστε Πλάτων εἰδέναι ἐκ μὲν τῶν ἁδού νοῦν, ἐκ δὲ τοῦ νοῦ τὴν ψυχὴν (\bar{V} , 8, 9-10). Плотин не говорит здесь о космосе, но его арабский перелagатель восполняет подразумеваемое: ... and that soul is the cause of matter and material things (англ. перев. в изд. Анри-Швицера, т. II, стр. 281).

Традиция переосмысления трех осуществлений первоначала в три ипостаси единого, ума и души сложилась у христианских толкователей платонизма. Так, Евсевий (Praep.evang. XI 17; 20 Mtas), стремясь показать, что в неявной форме учение о "священной и блаженной триаде ипостасей Отца, Сына и Святого Духа" содержалась уже в языческом платонизме, приводит соответствующие тексты из Плотина, подбирая их так, что единое оказывается соответствующим Отцу, ум - Сыну, душа - Духу Святому. Теперь традиция платонизма могла повлиять на выработку в христианстве формулы о единой сущности и трех ипостасях бога; но смысл учения о трех ипостасях в самом неоплатонизме для сторонней традиции его понимания оказался утерян.

И.В.Шталь (Москва)

ЕДИНЫЙ ЭПИЧЕСКИЙ МИР: СУЩЕСТВА "ЖИВЫЕ" и "НЕЖИВЫЕ"

1. Четыре поколения эпических героев "Илиады" и "Одиссеи" - вехи на пути эволюции эпического сознания от некогда единого и целостного эпического мира к расторжению этого единства, этой целостности.

2. С первыми поколениями героев связаны в "Одиссее" чудеса страны феаков: живые предметы (золотые юноши, держащие факелы, золотые псы, стерегущие дом). Лексико-тематический анализ текста в сопоставлении с аналогичным материалом "Илиады" (золотые девы и золотые треножки Гефеста) позволяет утверждать, что чудеса страны феаков включают как бы три последовательные и взаимодействующие момента эпического восприятия: поздний (псы, юноши - статуи, неодушевленные предметы), ранний (псы, юноши - живые существа), промежуточный (псы, юноши - существа особого рода, связанные с божеством и потому изымаемые из числа обычных неодушевленных предметов).

3. Вместе с тем, что роднит статуи Алкиноева дворца с богами эпоса, именно нестарение и бессмертие, не является изначальным свойством божества, как показывает в поэмах Гомера лексико-контекстуальный анализ понятий *ἀθάνατος, ἀγήρωσ* и смежных с ними *βροτός, ἀμβροτός, ἀμβρόσιος, ξώς, ἡήρωσ, θνητός, καταθνητός*.

Смысловой, или иначе видо-родовой, барьер между божеством и прочим сущим эпоса возникает лишь в сознании героев третьего-четвертого поколений. В эпическом мировосприятии их предшественников боги знают старость и если бессмертны, то не вполне, а если смертны, то не окончательно, равно как люди смертны не изначально, но лишь с какого-то определенного момента эпического времени.

4. В результате есть основания полагать, что видо-родовое обособление божества и человека или шире - божества, человека, животного, предмета возникает в эпосе не как обособление по какому-то признаку, присущему лишь одному из видо-родовых объектов эпического повествования, но как обособление по количеству некоего качества, общего всем этим объектам.

Эпический мир, "живой" и "неживой", и "бессмертный", и "смертный", изначально един; "живы" предметы, вещи, звери, люди, боги, "живы" все они без исключения, лишь в большей или меньшей временной жизненной протяженности.

Ἰσσα - "ЛЕСИСТЫЙ" ОСТРОВ

В литературе прочно укрепилось мнение о догреческом и даже "средиземноморском" происхождении названия Ἰσσα. Признавая догреческий характер этого названия, следует констатировать, однако, что оно надежно может быть объяснено на индоевропейской почве. Топоним Ἰσσα может быть связан с кругом производных индоевропейского *ǵidhu - "дерево", "лес".

Относящееся сюда греч. Ἰδη, судя по отражению и.-е. dh, было заимствовано из субстратного индоевропейского языка, где dh > d. В догреческом языке индоевропейский сонант в начальной позиции давал spiritus lenis или дигамму, т.е. индоевропейское *ǵidhu- > (до)греч. ἰδ-ᾱ (через *ǵīdū-ᾱ) со значениями "дерево", "лес", "лесистая гора" и т.д.

С другой стороны название Ἰσσα входит в круг широко распространенных в Средиземноморье (в том числе и Иллирии) топонимов с суффиксом -s(s)a. Таким образом, Issa < id+sa, где зубной закономерно подвергся ассимиляции, по крайней мере, в греческой передаче (как, например, в гомер. *ποσσί < ποβσί*). Отсюда значение топонима - "покрытый лесом", "лесистый" остров. Семантическая сторона вопроса, подтверждающая предложенную этимологию, находится в полном соответствии с физическими свойствами острова: холмистая Исса и поныне покрыта густым лесом.

Неоднократное употребление названия Ἰδη применительно к горным массивам обнаруживает, что до- и раннегреческое ἰδ-ᾱ, как это свойственно соответствующей лексике и в других индоевропейских языках, наряду со значением "лес" имело и другое - "покрытая лесом гора". Именно через это второе значение может быть понято толкование названия Ἄμφισσα в "Политии опунтян" Аристотеля (ар. *Νηροστ. Lex., s.v. Ἄμφισσα*): Ἄμφισσαν δὲ ὠνομάσαν βιὰ τὸ περιέχεσθαι τὸν τόπον ὄρεσιν "Амфиссой назвали по окружающим эту местность горам", в чем можно усмотреть правильно понятую уже в древности связь названия Ἰσσα с Ἰδη -

в значении "покрытая лесом гора". Амфисса лежит на краю горной долины между подошвой поросшего лесом горного кряжа, с одной стороны, и кромкой огромного лесного массива, с другой. Таким образом, название города было образовано по господствующей над местностью поросшей лесом горе.

К группе названий от основы $\zeta\beta\eta$ - Ἰσσα , Ἀμφισσα , Ἀντισσα примыкают также Ἰσός , город на границе Киликии и Сирии (Strab. XIV, 5, 19), и, вероятно, Ἰσός (Ἰσός), название города со святилищем в Беотии (Strab. IX, 2, 14). Последнее название особенно интересно. По Страбону, в стихе 503 "Каталога кораблей" Илиады некоторые полагали нужным писать вместо "Нисы священной" Ἰσόν τε ζαθέην "Исос священный".

Следует отметить попутно, что некоторые рукописи дают в указанном месте форму женского, а не мужского рода - Ἰσάν τε ζαθέην , т.е. первоначально топоним мог иметь форму Ἰσ(σ)α , "выровненную" впоследствии по имени эпонима, ср. Ἰσ(σ)ος , имя бастарда Приама, II. XI, 101. Топоним мог иметь первоначальную форму и с геминатой - Ἰσσα : по условиям метра в указанном стихе Илиады необходима долгая иота, что может быть достигнуто не только условной постановкой циркумфлекса, но и удвоением сигмы. Таким образом, не исключено, что первоначально в поэме присутствовала форма с удвоенной сигмой, утраченная в процессе бытования рукописной традиции и замененная условным циркумфлексом. Такой путь объяснения долготы иоты в данном названии представляется более оптимальным, нежели элиминация свидетельства Страбона о краткости иоты в этом слове и возведение его происхождения к довольно позднему времени - на основе собственно греческого уже $\zeta\beta\eta$ с долгим I .

Если исходить из указанной Страбоном краткости иоты и предполагаемой здесь связи названия Izos с основой id- , -, то можно заключить, что в догреческом или раннегреческом в слове ida i было кратким, как и во всех остальных индоевропейских параллелях, т.е. имело форму *Ydu-ā .

Это обстоятельство заставляет склоняться не к гипотезе Ю.Покорного (возможная связь и.-е. *yidhu- в значении "пограничное дерево, разделяющий пограничный лес между по-

селениями" с и.-е. *d(e)idh- "разделять"), возводящей это удлинение к индоевропейскому уровню, а к объяснению Л.А.Гиндина, указывающему на его раннегреческий характер: удлинение краткого *i* могло быть компенсаторным результатом выпадения лабиального в группе -dɰ- (греч. -δɰ-). Таким образом, долгота *i* в ἰδῆ обязана вторичному удлинению и этот процесс произошел в древнегреческом, а именно в тех его диалектах, которые обнаруживали склонность к заменительному удлинению гласной в результате элидирования постконсонантной дигаммы.

Р.В.Гордезиани (Тбилиси)

СВЕДЕНИЯ ГОМЕРА О СОЮЗНИКАХ ТРОЯНЦЕВ В СВЕТЕ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ

1. Сведения Гомера о союзниках троянцев привлекают особое внимание, ибо их анализ может показать, сколь реально отражается в гомеровском эпосе историческая ситуация, существовавшая в западной Анатолии в позднебронзовой эпохе. Следовательно станет возможным суждение и о степени достоверности источников, которыми пользовался Гомер.

2. В сведениях Гомера о союзниках троянцев можно выделить две группы племен: а) племена, представленные в каталоге троянцев и союзников, б) племена, не перечисленные в каталоге, но упомянутые в других пассажах эпоса. Согласно этим сведениям в Западной Анатолии ко времени троянской войны (XIII в. до н.э.) существовал сильный союз племен, которому оказывали помощь и другие племена, проживающие восточнее от них.

3. Сопоставление гомеровских терминов с хеттскими названиями племен т.н. Союза Aššuwa и египетскими названиями "морских народов" выявляет, что в гомеровском эпосе нашел отражение реальный факт существования в XIII в. до н.э. в Западной Анатолии Союза племен, с которым хеттская империя имела то враждебные, то добрососедские взаимоотношения.

4. Включение в список племен данного союза фракийцев и фригийцев результат более поздних представлений. Эти названия в древневосточных документах не фигурируют.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.А.Белецкий. Древняя оронимия Греции.	3
С.Б.Бернштейн. Палеобалканистический аспект карпато-балканской проблематики	4
Ю.Г.Виноградов. Перстень царя Скила.	6
А.Гаврилов. λα ἔπιτακτικόν история одной лжеприставки.	9
Л.А.Гиндин. Гом. ΚΗΤΕΤΟΙ.	11
Л.Г.Герценберг. Древнейшие греко-албанские отношения с точки зрения мутации ларингального признака.	16
Н.С.Гринбаум. Золийский и крито-микенский диалектные связи.	18
А.В.Десницкая. Палеобалканистика и албанский язык.	19
Г.Б.Джаукян. О рефлексах и.-е. заднеязычных в фригийском языке.	21
Вяч.Вс.Иванов. Гом.греч. ΔΕΥΜΟΣ ΤΕ ΦΟΒΟΣ ΤΕ : хатт. <u>TAUUA</u> <u>TUP/UI</u> <u>I</u> , хетт. NAḤSARATṬ - UERITEMA -.	23
Н.Н.Казанский. Лув. aḥḥa ~ др.-греч. αἴρι	25
И.А.Калужская. Алб. drizë "колючий кустарник, Paliurus; шип, колючка".	26
И.А.Калужская, В.Э.Орел. Наблюдения над отражением \bar{r} , \bar{i} в албанском.	28
Г.П.Клепикова. Лексема rojata в языках карпато-балканской зоны.	30
А.А.Королев. Континентальные кельтские языки в свете новых материалов.	31
А.В.Лебедев. APXH и TO ΠΕΡΙΕΧΟΝ у досократиков.	33
Т.А.Малахова. К происхождению прованс. lauzengiers из лат. laud-	35
В.Э.Орел. К истории развития протоалб. dḡ-	37
Ю.В.Откупщиков. Словообразовательный и этимологический анализ догреческих -ss-топонимов и антропонимов.	39
Е.Г.Рабинович. Атлантида Гиперборейская.	41
М.Н.Славятинская. Сочетание разнодиалектных форм как элемент поэтики гомеровского языка.	43
А.А.Тахо-Годи. Античная традиция об имени и предмете наименования в Ареопагитиках.	44
В.Н.Топоров. Др.-греч. σοφία : происхождение слова и его внутренний смысл.	46
О.Н.Трубачев. RASPARAGANUS REX ROXOLANORUM	50

А.В.Урушадзе. Вопросы греческо-иберийско-кавказских языковых отношений.	52
Т.В.Цивьян. *A- ϵ - ζ - κ * η - μ id- и рефлексy этого образа на Балканах.	53
В.Ф.Шелов-Коведяев. Гетские городища Приднестровья (Ptol. Geogr. III, 5, I5)	55
О.С.Широков. Средиземноморско-кавказские мифологические параллели мотив погони за похитителем огня	57
А.В.Широкова. Транстирренские и трансадриатические изоглоссы народной латыни.	58
Ю.Щичалин. К истории переосмысления термина $\epsilon\pi\acute{o}\beta\epsilon\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$	60
И.В.Шталь. Единый эпический мир: существа "живые" и "неживые".	61
В.П.Яйленко. * $\tau\epsilon\sigma\sigma\alpha$ - "лесистый остров".	63
Р.В.Гордезиани. Сведения Гомера о союзниках троянцев в свете древневосточных документов.	65

Подписано к печати 6/III-1978 г. А-00933
Объем 4,25 п.л. Тир. 400 экз. Зак. 73.
Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

31678RU